

Год змея

Яна Лехчина

Young Adult. Книжный бунт. Новые сказки

Яна Лехчина

Год Змея

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лехчина Я.

Год Змея / Я. Лехчина — «Эксмо», 2017 — (Young Adult.
Книжный бунт. Новые сказки)

ISBN 978-5-04-192041-8

У слепой простолюдинки Рацлавы нет ни красоты, ни дара – только украденная колдовская свирель. С её помощью Рацлава ткёт песни, пленяющие человеческий разум, и из-за неё же попадает в беду: становится частью дани, которую требует хитрый крылатый змей. Некогда он был человеком, а сейчас охраняет сокровища, сжигает города и не позволяет своим узникам доживать до следующего года. Покой его стережёт грозный воин – предводитель каменной орды, чьё имя гремит от южных низин до льдов Севера, – и пока караван с данью идёт по перевалам, Рацлава думает, как ей спастись. Тем временем изгнанный княжич Хортим хочет вызволить из лап дракона свою сестру, гордую княжну Малику, но, пытаясь найти союзников, терпит неудачу за неудачей. Дорога приводит Хортима к далёким фьордам, где он неожиданно обретает то, что способно помочь ему в грядущих битвах.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-192041-8

© Лехчина Я., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

От автора	7
Пролог	8
Песня перевала I	9
Песня перевала II	15
Зов крови I	20
Песня перевала III	25
Хмель и мёд I	31
Зов крови II	37
Зов крови III	43
Хмель и мёд II	50
Топор со стола I	57
Песня перевала IV	64
Песня перевала V	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Яна Лехчина

Год Змея

Посвящается моим родителям

*Позабыв Золотую Орду,
Пёстрый грохот равнины китайской,
Змей крылатый в пустынном саду
Часто прятался полночью майской.*

Николай Гумилёв

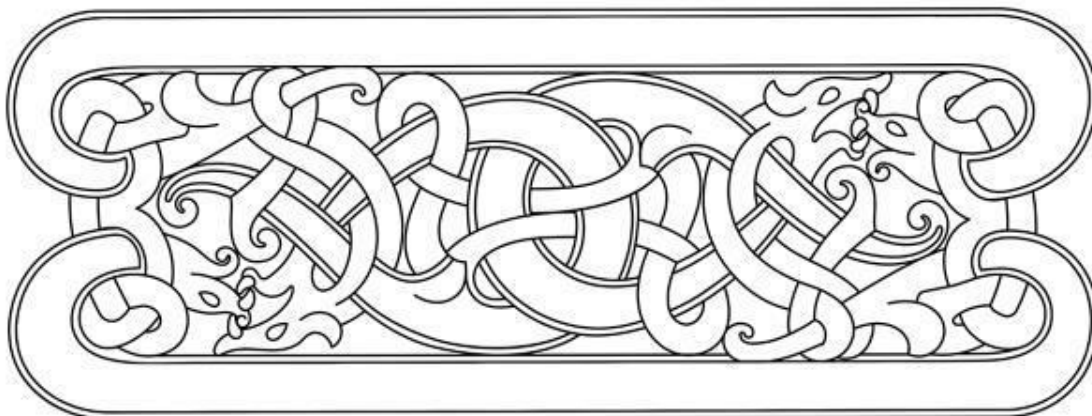

© Лехчина Я., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

От автора

Привет! Вы держите в руках книгу, новое переиздание которой появилось исключительно благодаря читательской любви.

Если вы знали и поддерживали эту историю в 2016–2018 годах, когда она только была создана и впервые опубликована, если вы не забывали о ней всё это время, несмотря на издательские сложности, оставляли добрые комментарии, рисовали фан-арты, писали фанфики, рассказывали о ней другим, то вы – большая часть этой тёмной самоцветной сказки, и я рада, что она вам отозвалась.

Если вы впервые встретились с «Годом Змея» сейчас, что ж, добро пожаловать в Князьи горы! Дорога до логова дракона неблизкая, поэтому устраивайтесь поудобнее – и вперёд.

Яна Лехчина

Пролог

Когда гремит гром, я думаю: это мой брат Рагне скачет на юг, чтобы сложить голову в битве против Сармата-дракона. Копыта его коня топчут дикие травы, а из боевого рога льётся страшный рёв. За его спиной – тысячи копий, но нет копья, способного пробить драконью чешую.

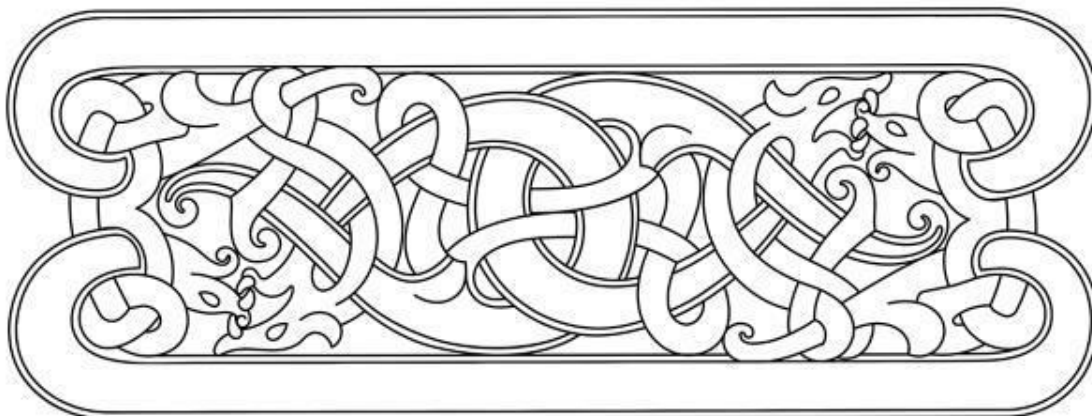
Когда падает снег, мне кажется, что это юный Ингол – тот из нас, кто умер первым, – идёт по горным перевалам. Он бос, но не чувствует холода. Он простирает к нам руки и просит оставить эту войну, ведь все мы – братья.

А когда с гор сходит каменная лавина, мне кажется, что это я раз за разом предаю единственного, кто мог одолеть Сармата, и преклоняю колени перед чудовищем.

Знаю, твоя свирель издаёт волшебные чистые звуки и заставляет людей повиноваться зову. Так играй. Каменное сердце не дрогнет, но, если смогу забыть своих братьев хотя бы на мгновение, я буду счастлив.

Песня перевала I

Они покидали Черногород на рассвете. Узкие облака находили друг на друга, напоминая дорожное перепутье или светло-серую паутину тумана, раскинувшуюся по всему небесному куполу. Птицы летали низко, прорезая крыльями стылое утреннее марево, а солнце казалось блюдом из потемневшей бронзы. Было хмуро и холодно. Дурной знак. Тогда Орkki Лис впервые заявил, что от этого похода добра не будет, и его, конечно, никто не послушал.

Уезжали на трёх крытых телегах. В первой лежали припасы для людей, идущих к Матерь-горе, во второй была дань, а в третью посадили драконью невесту и купленную для неё старуху-рабыню. Девушку вывели из Божьего терема, с головы до пят закутанную в бледно-лиловое покрывало, – Орkki и видел только полную фигуру да белые руки, за которые её вели две женщины. Провожатые пели и сыпали под ноги драконьей невесте крупу из плетёных корзин, и от их глубоких, звенящих голосов Орkki зябко поёжился.

– Ветер с северо-востока, – объяснил он, перехватив взгляд Тойву, предводителя похода. И поправил ворот мехового плаща. – Морозно.

Тойву кивнул и погладил шею мерно дышащего коня. Под Орkki же конь дрожал – нервно постукивал копытами, пока хозяин перебирал поводья и прищуренно наблюдал за драконьей невестой, ступавшей по рассыпанному зерну.

– Недобрый у тебя взгляд, Орkki Лис. – Тойву чуть улыбнулся из-под медно-рыжих усов. Его выдох повис прозрачной сизой дымкой. В ответ губы Орkki изогнулись, а пальцы сильнее сжали поводья.

Женщины, ведущие драконью невесту, создавали неземной звук. Их песня дробилась на многоголосое эхо и окутывала горные вершины, как саван – мертвеца. Эта песня была не то свадебная, не то поминальная. Горсти крупы ложились на мёрзлую землю: тронутая инеем трава, схваченные морозом цветы и осыпавшиеся ягоды рябины – провожатые разбрасывали зерно, будто засеивали поле, которое топтала драконья невеста. Она покачивалась, как ладья на волнах, послушно плыла по седой траве и красным ягодам, и женщины подле неё пели настолько звучно и страшно, что, не выдержав, Орkki отвернулся.

– Прогнать бы всех, – сплюнул он, поглядывая на столпившихся зевак.

К Матерь-горе уходили не за ратным подвигом. В жены отдавали не княжну, а пастушью дочь, и не славному воину, а Сармату-дракону – тому, кто, заточённый в недра горы, спал тысячу лет и проснулся тридцать зим назад. Но люди, замкнув Божий терем в кольцо, шуршали кафтанами и юбками, платками и шапками, мехами и сукном, выпускали изо ртов голубоватый пар и пытались удержать вырывающихся вперёд детей. Хотя не было ни князя, ни оставшихся

его дружинников – тех, что не пошли с Тойву. Князь понимал, что к Матерь-горе везут позорный откуп – мольбу о пощаде, и свои приказы отдал без лишних ушей.

Тойву поскрёб подбородок.

– Народу любопытно.

Конечно, любопытно. Может, это и бесславный путь, но опасный, а в телеге лежала богатая дань. Поэтому среди идущих к Матерь-горе не нашлось ни слабых, ни трусливых. Можно было любоваться и юркими, жилистыми людьми Оркки Лиса, и кряжистыми воинами Тойву – да и самим княжым дружинником, похожим на молодого медведя. Тойву носил закруглённую бороду и медно-рыжие волосы до лопаток, смотрел спокойно и рассудительно льдистыми голубыми глазами. В росте – дуб, в плечах – косая сажень. У Оркки глаза были лисьи, карие. Хитроумные. И напоминал он не дуб, а гибкий тис.

Черногородцам хотелось посмотреть не только на спрятанную под покрывалом драконью невесту. У воительницы Совьон, высокой и крепкой, носящей кольчугу и шлем, на плече сидел приручённый ворон, а на правой скуле синел шаманский полумесяц. Высокогорница Та Ёхо, чьё племя жило в юртах на острых вершинах Княжьих гор, считала Черногород низиной сродни Пустоши. И даже горы для неё были не Княжьи, а Айхаютам, Хребет Зверя.

Едва драконью невесту посадили в повозку, конь Оркки заржал и выпустил из ноздрей горячие струи воздуха.

– Велишь ехать?

– Велю, – кивнул Тойву. – Ну, с миром!..

Не будет никакого мира, чувствовал Оркки. Серая птица, пролетающая над Божьим теремом, рухнула в мёрзлую траву, и над ней взмыла перепуганная чёрная стая. В толпе жалобно провыл колченогий белый пёс. Провожатые драконьей невесты завершили свои песни отчаянными рыданиями и, вцепившись ногтями в лица, оставили на щеках кровавые бороздки царапин. А затем рухнули на замёрзшую рябину и рассыпанное зерно, запустив пальцы в холодную землю.

Оркки Лис вновь сплюнул и натянул поводья.

Черногород, окружённый пиками скал, стоял на мягком чернозёме в устье трёх рек. Это был запад Княжьих гор, колыбель династии Мариличей, правивших хоть и небольшими, но плодородными угодьями от южного Ядвирино Щита до Мглистого Полога на северо-востоке. Не успел город скрыться из виду, как Совьон, стегнув одноглазого вороного коня, поравнялась с Тойву. Оркки Лис недовольно взглянул на птицу у неё на плече.

– Как начнём спускаться с холма, увидим Шестиликий столп. – Совьон всегда говорила одинаково размеренно, словно ничто не могло вывести её из себя. – Вёльки поставили его в память о шести князях, высланных в Белую Яму. Разреши девушке просить у него защиты.

Оркки ощерился:

– Потеряем время, а оно нам дорого. Неизвестно, обойдётся ли без обвалов.

Ворон на плече каркнул. Совьон, продолжая смотреть на хранившего молчание Тойву, обронила:

– И не стыдно тебе, Оркки Лис? Девушка сюда не вернётся.

Да, не вернётся. Никто не возвращался. Рабы, слуги, невесты – по рассказам, они жили у Сармата не больше года. Дураки-шаманы верили, что они кончали с собой из-за проклятия Матерь-горы или их убивали каменные воины, про которых говорили сумасшедшие беженцы из сожжённых деревень. А Оркки, как и все здравомыслящие люди, понимал, что в этом вина только чешуйчатой твари.

Просить защиты? Зачем? Ничто не защитит сокровища от Сармата. Девка, наверное, надеялась поразить ящера храбростью и красотой, но каких красавиц ни отдавали княжества за последние тридцать лет – все погибли. Если черногородская невеста и была чудо как хороша, то Оркки этого не знал. Он не видел её лица.

Не стыдно ли ему? Лисьи глаза налились кровью. Совьон младше его, к тому же баба, а смотрела мимо и говорила так, что подобное Орkki спустил бы лишь Тойву. Язык мгновенно присох к нёбу. Но, хвала богам, Орkki Лис был хитёр и осторожен, а не скор на расправу.

Прочистив горло, он обратился к предводителю:

– Неоправданная остановка, и мало того что пустая трата времени – девка наверняка захочет бежать.

Тойву резко качнул головой и возразил:

– Эта не сбежит.

Ворон на плече Совьон каркнул дважды.

– Не успели тронуться, а уже останавливаемся. Плохая примета.

– Примета! – Совьон подняла к небу глаза – синие, как полумесяц на скуле. – А я думала, что я суеверна, Орkki Лис.

Тойву взмахнул ладонью.

– Телеги останавливать не будем, – сказал он Совьон, – но раз женщины считают столп оберегом, я не могу лишить девушку его защиты. Возьми её к себе на коня и поезжай быстрее нас.

– Попытается улизнуть...

Тойву повернулся и смерил Орkki тяжёлым, многозначительным взглядом.

– Не попытается.

Раз Тойву решил так, значит, никакой опасности не грозило. Но Совьон он отпустил, только когда смог самолично разглядеть Шестиликий столп, а Орkki, не доверяя, двинулся следом за воительницей. И увидел, как из повозки выглянула драконья невеста – лиловое покрывало соскользнуло ей на плечи.

Орkki не назвал бы её красивой: чересчур полная, с тёмно-русыми косицами, переброшенными на грудь. Местами на её щеках, шее и пальцах белая кожа трескалась и шла розово-красной коростой – от мороза. Но всё это Орkki заметил потом. Сначала были молочного цвета глаза без зрачков и прожилок, заволоченные мутноватой кипенной дымкой.

Бельма.

Сердце Орkki Лиса болезненно сжалось.

Он не помнил, как, ударив коня пятками, воротился к Тойву, как потемнел от гнева, скривился от ужаса и хотел было взречь, словно дикий зверь. Но многолетняя выдержка не позволила ему это сделать – люди бы встревожились. Он рванул поводья, приблизил лицо к лицу Тойву и зашипел, брызжа слюной:

– Слепая! Мы, дери тебя твари небесные, везём Сармату слепую! – Он чудом не сгрёб его за шкуру. Но сейчас Тойву не его друг, а глава отряда, и дело бы не кончилось обычной дракой. – Бельмяноглазую невесту, калеку, которая... Как ты допустил такое?

Он мог бы догадаться, что девушка не была так проста. Мог бы, но Тойву, продолжая смотреть рассудительно и спокойно, не торопился оправдываться и тем привёл его в настоящее бешенство.

Орkki Лис захохотал свистяще, горлом.

– Птицы, собаки, женщины... За кем я сегодня не наблюдал. А у нас в телеге слепая, которую мы отдадим Сармату, не успеет начаться зима. Дракон ничего от нас не оставит, ничего, всех перемелет, всех сожжёт. – Смех его стал страшен и тих, и слышал его один Тойву. – Да помилуют нас боги. Их щедростью Сармат сам окажется слепым – или простит такой плевок в свою сторону.

«Но казнил он и за меньшее».

– Ты закончил? – Тойву откашлялся. – Её счастье, что она слепа. В чертогах Матерь-горы весь свет – из Сарматовой глотки.

– Плевать мне на её счастье. Я еду не ради девок, а ради Черногорода, – чтобы не сорваться на рык, Оркки закусил костяшки пальцев. – Значит, слушай. Скажу своим молодцам, и они умыкнут чью-нибудь смазливую дочурку из первой захолустной деревушки, и...

– Не смей, – отчеканил Тойву. И добавил беззлобно, но решительно: – Если поступишь по-своему, убью.

Над ними распростёрлось бесконечно высокое небо, перетянутое нитями облаков. Позади – Черногород, впереди – долгие вёрсты опасного, долгого пути. Но тяжесть отвалила от души Оркки, и он, засмеявшись, погладил остроконечную пшеничную бородку. Он знал, что делать, хотя убедил Тойву в обратном.

– Поглядите-ка, – по-медвежьи проворчал предводитель. – Смешно ему. Ничего и знать не знает, а смеётся.

«Не убьёшь ты меня, Тойву, – подумал Оркки Лис. – Все Княжки горы за твоей спиной переверну, а не убьёшь».

Две женщины скакали на одноглазом коне к легендарному Шестиликому столпу, и ворон кружил над их головами.

Рацлава поняла, что в Божьем тереме её опоили маковым молоком – чтобы не начала вырываться и рыдать. Своё тело она ощущала смутно, будто чужое, и все запахи и звуки протекали мимо неё так медленно, что, казалось, она могла задержать их между пальцами. Шестиликий столп пах смолой и железом, тонкими цветами, проросшими сквозь древесную кору. Горячее сердце в груди вороньей женщины стучало в такт птичьему крику. Конь рыхлил землю, отдающую талой водой и хрупкими пожухлыми листьями, готовыми расслоиться в руках.

Пальцы Рацлавы скользили по шершавому столпу, обводили вырезанные лица шести княжон: щёки, губы, кольца кос, выпуклые глаза. Поглаживали расщелины, из которых вились цветы, и осторожно сбивали налёт инея.

– Ты знаешь эту историю? – ровно спросила воронья женщина. Затылком Рацлава ощущала её тяжёлый взгляд, похожий на нависший над ней боевой молот. Она бы никогда от такой не сбежала. И никакая сила не смогла бы её выкрасть. Драконья невеста, Сарматово сокровище – Рацлава не знала, что с холмового спуска Шестиликий столп виден как на ладони. Случись что, предводитель, хитрый человек, и их люди метнулись бы к девушке быстрее ветра.

– Шесть сестёр-княжон, рождённые одной матерью от разных отцов, убили своих нежеланных женихов в ночь после свадебного пира. За это их выслали из Черногорода и заживо закопали в Белой Яме. – Голос Рацлавы даже не дрогнул – из-за макового молока. – А княгиня поседела от горя и стала первой вёльхой-колдуньей.

Вёльхи знали травы и зелья, крали младенцев и гадали на костях, жили триста зим на глухих отшибах. Когда они умирали, люди закапывали их подальше от деревень и рек, а сердца

отдавали зверям. Колдовства вѣльхи боялись не только такие суеверные воины, как Оркки Лис. Все верили, что если вѣльха дотронется до оружия, то следующий бой станет последним.

– Верно, – согласилась за её спиной вороныя женщина. Позже она назовёт своё имя. А ещё позже Рацлаве расскажут, что история Совьон давно обросла легендами. Никто не знал, откуда она пришла и зачем – только то, что как-то вечером она появилась в Медвежьем зале и положила свой меч под ноги черногородскому князю. Неизвестно, что было дальше. Одни говорили, её заставили сразиться с огромным горным медведем, похожим на того, что скалился со знамён Мариличей. Другие – ей велели дать бой дружинникам, и Совьон одолела всех, кроме княжьего любимца Тойву.

– Нам следует поторопиться.

Рацлава выдохнула и отвернулась от Шестиликого столпа. Потёрла костяшки пальцев и закуталась в мягкое покрывало – она никогда не касалась такой дорогой ткани. И у неё никогда не было таких платьев – расшитых тонкими нитями, с рядом пуговиц от груди до подола, с длинными, почти до самой земли рукавами. Не было и украшений, которые дороже приданого всех её сестёр.

Совьон шагнула к Рацлаве, но замерла прежде, чем взяла её за руку. Она неосознанно потянулась и дотронулась пальцами до костяной свирели, висевшей у той на кожаном шнурке. И тут же спохватилась.

– Извини. – Совьон сжала пальцы в кулак. – Это твоя вещь? Она очень... необычная.

Рацлава вздрогнула бы меньше, если бы Совьон раскроила ей грудь и вытащила сердце. Не помогло даже маковое молоко: ладони взмокли, а в горле застрял шершавый ком.

– Моя, – выдавила Рацлава. – Единственное, что мне оставили.

Совьон подсаживала её на большого хрипящего коня, а Рацлава, пусто глядя в заволоченную туманом даль, не понимала, почему кожа воительницы показалась ей холодной, словно железо.

– До меня доходил слух, что черногородскому воеводе понравилась твоя игра на свирели, – уронила Совьон, ставя ногу в стремя. Рацлава тут же вцепилась в холку грозного вороного. – Видимо, это было правдой.

...Чего пастушья дочь боится больше, чем дракона?

Трудно было найти коня быстрее и выносливей, чем страшный, с отрезанными губами, верный спутник Совьон. Он легко, будто не чувствуя на себе никакой ноши, взобрался на холм, к каравану из повозок и вьючных лошадей – они были нужны не только на случай, если чья-то лошадь охромеет. В горах телега могла сойти с пути и сорваться в пропасть. Её могло накрыть обвалом. Припасы не стоило держать в одном месте – и так же Оркки Лис думал о сокровищах.

Ещё в Черногороде Тойву пригрозил отрубить пальцы всякому, кто рискнёт прикоснуться к драгоценностям. Но на первой ночной остановке Оркки Лис залезет в телегу и перенесёт часть дани в тюки с едой. Тойву, конечно, узнает об этом следующим утром. И Оркки, конечно, останется с целыми пальцами.

Драконью невесту вернули в её повозку, к старухе-рабыне из Пустоши, и предводитель удовлетворённо кивнул Совьон. Та задумчиво сжимала и разжимала ладонь, а её вороной конь фыркал и опускал тяжёлые копыта на тонкие, местами пожелтевшие травинки и затвердевшую землю.

– Кто она такая?

– Дочь Вельша с Мглистого Полога. – Тойву, подбоченясь, смотрел вдаль. Тем временем Оркки отстал от него, чтобы ехать вровень со своими людьми, и Совьон воспользовалась случаем.

– Что за Вельш?

– Пастух, женившийся на дочке мельника. Он сильно задолжал кому-то в Черногороде – его сыновья приехали расплачиваться и взяли Рацлаву с собой.

Придерживая поводья одной рукой, Совьон погладила клюв беспокойно трепыхнувшегося ворона.

– Зачем её увезли так далеко от дома? Она же слепа.

– Слепа, – согласился Тойву. – Говорят, она то ли родилась такой, то ли сильно заболела, ещё в младенчестве, и потеряла зрение. А дело было в голодную зиму. – На этих словах Совьон прикрыла глаза. – Мать отнесла её в лес, и – нет, не спрашивай меня, почему она выжила. Никто не знает. Девки при княгине щебечут, что к порогу её принесли волки. А Орkki настаивает, что не выдержал кто-то из её семьи.

– Ты не ответил на вопрос, – оправившись, спокойно заметила Совьон. – Зачем братья привезли её в Черногород?

Тойву вздохнул и запустил пальцы в гнедую конскую гриву.

– Тот купец, которому задолжал пастух с Мглистого Полога... Пошли слухи. О том, что в его доме живёт девушка и из её свирели песнь льётся как из соловьиного горла.

– Купец простил Вельшу долг?

– Доплатил, и Рацлава осталась жить у него.

Совьон вскинула широкую рассечённую бровь, хотя и не выглядела слишком удивлённой.

– Её братья были рады.

– О да. – Тойву похлопал коня по шее. – Ведь они этого и добивались. Позже наш старый, закалённый в боях воевода пустил слезу, слушая её. И я тоже её слышал – за ночь до того, как девушка вошла в Божий терем.

Совьон выжидающе смотрела на него, и предводитель невесело рассмеялся.

– Я, – Тойву облизнул губы, – остался разочарован. Красиво, но не настолько, чтобы сойти с ума. Уверен, в одном только Черногородском княжестве можно найти сотню куда более искусных пастушков. – Он криво улыбнулся и продолжил вкрадчивым полущёпотом: – Так скажи мне, Совьон, кого мы везём Сармату? Одарённую деву или ведьму?

Повисло молчание, и наконец Совьон покачала головой.

– Я не знаю, – ответила она. – Я не знаю... Драконья невеста не ведьма и, похоже, не слишком одарена, но...

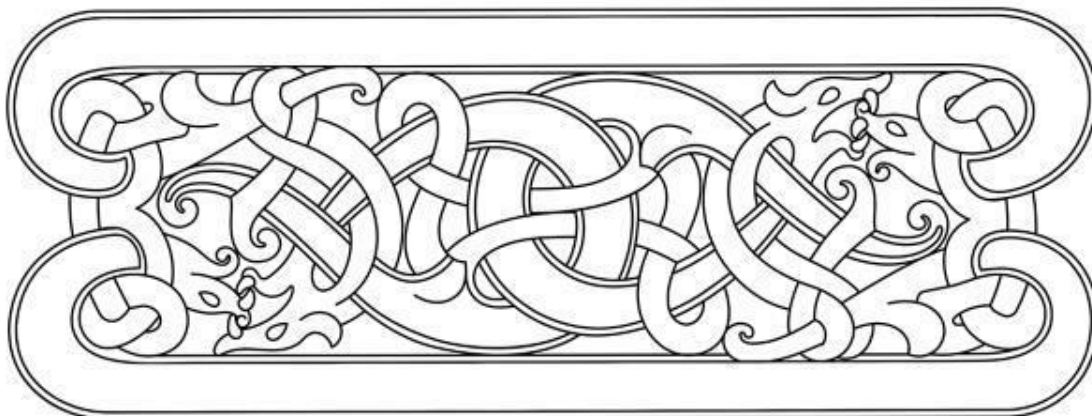
Снова – молчание, которое нарушали лишь скрип мёрзлой почвы под копытами и колёсами да разговоры за спиной.

– Ладно. – Тойву уверенно повёл плечами. – Кем бы она ни была, к зиме она окажется в чертогах Сармата, и пусть боги решают её судьбу.

– Пусть боги решают, – согласилась Совьон и вскинула лицо к небу.

Белёсый луч солнца мазнул её по синему полумесяцу на скуле.

Песня перевала II

Рацлава сидела в повозке, когда её пальцы снова начали кровоточить. Прежде чем она поняла это, испачкала платье на коленях – багряные, княжьего цвета капли растеклись по витиеватому узору, вышитому серебряными нитями, хотя Рацлава не видела ни багрянца, ни серебра. Раньше её одежды часто бывали в крови, и сестры говорили, что даже на выстиранных юбках и рукавах оставались побледневшие алые пятна.

– Матушка. – Она провела рукой над бровями, будто пыталась скинуть невидимую пелену. – Пожалуйста, помоги мне.

Старуха делила с ней повозку и обязывалась исполнять любую её прихоть. Жилистая, желтокожая, как и многие жители Пустоши, Хавтора, дочь Ошуна, заплетала седые и жёсткие, словно проволока, волосы в два пучка на затылке и прятала их под шерстяным шафранным покрывалом. Её сухие руки покрывали веточки красных татуировок, а шею окольцовывал широкий рабский ошейник.

– Вих шарлоо, – промурлыкала она, поглаживая пальцы Рацлавы. – Я позабочусь о тебе.

Любая красавица ужаснулась бы, если бы только увидела ладони драконьей невесты. На них не было ни следа трудовых мозолей, но кипенно-белая кожа плохо переносила мороз, краснела и лопалась, застывая на костяшках розовой коркой. К тому же по пальцам тянулись неизвестно откуда взявшиеся шрамы и плохо зажившие борозды ран, тонких, будто оставленных лезвием ножа. Они схватывались новой кожей и тут же открывались снова.

– Халь фаргальд, – покачала головой Хавтора, перевязывая пальцы тканевыми лоскутами. – Кто порезал тебя, ширь а Сарамат?

Старуху не трогало ни то, что её подопечная ничего не видела, ни то, что она принадлежала к народам Княжьих гор – их в степной низине считали захватчиками. Рацлаву называли невестой Сармата-дракона, и за это Хавтора была готова целовать её искалеченные руки и исполнять любой приказ.

– Меня никто не резал, – отозвалась Рацлава.

Отпустив ладони, Хавтора дотронулась до красно-розовой коросты у неё на лице.

– Это от холода, верно, ширь а Сарамат? Ну ничего, ничего... Дыхание твоего господина жарче пламени подгорных плавилен. Он согреет тебя. – Старуха тихо засмеялась. – Сколько тебе лет? Шестнадцать? Семнадцать?

– Девятнадцать.

– Ты засиделась в девушках. – Жёлтые пальцы потрепали круглую белую щеку Рацлавы. – Но теперь ты станешь хозяйкой Гудуш-горы, Матерь-горы по-вашему, и все подземные народы

будут кланяться тебе и рассыпать перед тобой невиданные богатства. – Она устроилась на подушках напротив Рацлавы и, скрестив ноги в коричневых шароварах, подпёрла подбородок кулаком. – Возможно, ты даже встретишь Чхве, искуснейшего кузнеца, который ростом в полчеловека. Что он выкует для тебя? Ожерелье из огней чрева горы? Корону из обломков великанских пальцев?

– Глаза, – обронила Рацлава, и свет, просочившийся в окно повозки, тускло сверкнул на её молочных бельмах.

Не успело зайти солнце, как случилась первая неприятность. Мерно покачивающаяся телега драконьей невесты подпрыгнула, противно заскрипела и накренилась – камень, прокатившийся под копытами лошади, попал в колесо. От неожиданности Рацлава не смогла удержаться, и её резко повело в сторону. Она ударилась о стену повозки и разбила себе подбородок.

– Нарьян, пёсий ты сын! – взревел где-то обычно сдержанный Орkki Лис, и из его рта полился поток отборной черногородской брани. – Тойву, всыпь этому вымеску тридцать плетей, и раз он не может усидеть на вожжах, то пусть идёт пешком!

– Хая адук, – зашептала Хавтора, обнимая Рацлаву за шею. – Жинго-ка, ширь а Сарамат? Спрашивала, цела ли она.

Рацлава понимала, что всё – дорогие одежды и забота старухи с Пустоши – досталось не именно ей, а случайной девушке, отданной Сармату на растерзание. Однако она не раздражалась и не дерзила, бережно носила платья и украшения и вежливо говорила с Хавторой – но только не в этот раз. Не успев вытереть кровь с подбородка, Рацлава грубо отпихнула кинувшуюся к ней рабыню.

– Прочь, – зашипела она, и её полное лицо сделалось страшным.

Она судорожно захлопала себя по горлу, как будто ей не хватало воздуха. Дрожащими пальцами подцепила кожаный шнурок, спустилась по нему вниз и с невероятной осторожностью ощупала подвешенную на нём длинную свирель.

– Слава богам, – слабо выдохнула Рацлава.

В повозку заглянула женщина.

– Как ты, Раслейв? – весело спросила она с говором не жителей Пустошей, а воинов высокогорий. – Не слишком испугаться?

На Рацлаве лица не было. Она сжала в кулаке кожаный шнурок, и только тогда на её щеки начала возвращаться краска. С ней бы ничего не случилось от удара и крепких объятий рабыни, а свирель могла переломиться напополам.

– Все обошлось. – Рацлава повернулась к окну. – Спасибо. Кто ты?

– Меня звать Та Ёхо, – улыбнулась молодая женщина с широким скуластым лицом, узкими глазами и приплюснутым носом. Кожа у Та Ёхо была смуглая, но коричневая, а не жёлтая, как у Хавторы. Испокон веков её народ жил на смертельной высоте, почти под самым солнцем, где загар приставал быстро. Та Ёхо носила подбитые мехом куртку и штаны, ездила на крепкой, но до того маленькой мохнатой лошадке, что та напоминала помесь кобылы с пони. И если бы Рацлава могла видеть, то очень удивилась бы, что Та Ёхо обходилась без седла, а её лошадь не имела удил.

В деревнях из юрт на вершинах Айхаютата Та Ёхо считали красавицей за то, что она была невысока ростом, но сильна, и за то, что редкий воин стрелял из лука лучше её. Но в княжествах мало кто восхищался её чёрными, жидковатыми волосами до плеч и весёлой кривозубой улыбкой. Хотя для неё это ничего не значило.

– Скоро они починить твою телегу, Раслейв, и мы продолжим путь. Не нужно бояться.

Рацлава улыбнулась и заправила за ухо выбившуюся тёмно-русую прядь.

– Спасибо, – повторила она, а Та Ёхо наклонилась к мохнатой лошадке, тут же перешедшей на бодрую рысцу.

Телегу мужчины починили довольно быстро – Рацлава даже не успела замёрзнуть, стоя со своей рабыней под вечереющим небом. Расшитое покрывало сползло ниже затылка и едва прикрывало волосы. Вскинув голову, Рацлава пусто смотрела наверх, где в сгустившейся сизой вышине зажигались бесцветные звёзды, похожие на кусочки слюды. Хавтора, за годы рабства привыкшая к любой грубости, давила башмаками хрустевшую землю и мурлыкала себе под нос песню: «Было у старого хана пятеро сыновей».

Пошёл снег. Резные пластинки снежинок, хрупкие, узорчатые, будто выпавшие из-под рук талантливой мастерицы, закружились под первыми звёздами. Окутанные нежным серебристым светом, они падали на землю. Рацлава чувствовала их кожей и восхищённо глядела куда-то сквозь прорезавшуюся луну, сжимая пальцами кончик костяной свирели. На белых лоскутках проступала кровь. В тот день Рацлава, как никогда, хотела сбежать – не зная ни богатств, ни Сармата, остаться жить в глухой землянке, затерявшейся на склонах Княжьих гор. Если свирель – это её игла, она выткет себе волшебную-тихую жизнь.

– Какая будет ночь! – восхитилась Хавтора, и её голос стал жарким. – Однажды, под такой же луной, мне приснилось, гар ину, как Сарамат-змея пролетал над Гуратом, городом наших мёртвых ханов. Давным-давно князьи люди забрали Гурат-град себе, и Сарамат-змея вернулся, чтобы поквитаться с ними. Солнце стекало по его медному панцирю, а из исполинского горла выходил огонь.

Рацлава могла считать себя воровкой, лгуньей и калекой, но не дурой, решившейся на безумный побег. Хитрый человек, Оркки Лис, сидел на коне за её спиной – и наверняка не сводил глаз.

– У-у, ведьма, – желчно выплюнул он, а Хавтора залилась истеричным хохотом.

Первого ханского сына звали Кагардаш, и он слыл мудрым и справедливым воином. Второго – Янхара, и был он немногословен и силен. А третьего звали Сарамат...

Хавтора ещё долго пела эту песню – легенду Княжьих гор, переложенную на манер степной Пустоши. Она пела и пела, пока телеги не остановились на ночную став-ку, а Рацлава слушала её и слепо смотрела в задёрнутое окно.

...и не было человека хитрее его. Четвёртый ханский сын носил имя Родук, и это означало «гордый». Пятого, блаженного, звали Игола.

– Вы чтите Сармата как бога, – сказала Рацлава, подтянув колено к подбородку. – Почему? Он жаден и жесток. Он сжигал людей и леса, города и деревни, если ему не могли заплатить откуп.

– О, гар ширь а Сарамат, – засмеялась Хавтора. – Он жесток, но и велик. Он – человек, сумевший обрести бессмертное обличье. Его кожа – медные пластины, что прочнее любых кольчуг. Его когти – копья, его зубы – скалы. Его позвоночник – горный хребет.

– Был и другой дракон. Почему бы вам не поклоняться ему?

Губы Хавторы сжались в тонкую линию.

– Ты заблуждаешься. Не было никого, кроме Сармата-змея. Кагардаш оказался слаб и умер прежде, чем волхвы окунули его в огонь. Остальное – сказки.

– Некоторые считают сказкой и превращение Сармата в дракона, – заметила Рацлава. – Они верят, что земное чрево породило его чудовищем, не человеком.

– Какая глупость, – ошетилилась Хавтора. – Все знают, что Сарамат-змея возвращается в человеческое тело четыре раза в год. На сутки, когда наступают осеннее и весеннее равноденствия, на два дня – в зимний солнцеворот, на три – в летний. Люди слабы и хрупки, и все семь дней Сарамата сторожит его брат, Янхара-хайналь...

– Ярхо-предатель.

– ...предводитель каменных воинов. Грозный, молчаливый, облачённый в горную породу силой Сарамата.

Рацлава отвернулась от Хавторы и крепче обняла свои колени. Большим пальцем она поглаживала свирель – придёт время, она сыграет и эту песню.

Было у старого князя пятеро сыновей. Первый, Хьялма, – мудрый и справедливый. Второй, Ярхо, – нелюдимый и тяжёлый лицом. Сильнее всех князь любил Хьялму, а вот сердце его княгини принадлежало буйному хитрому Сармату, грезящему о величии и славе. Умирая, отец поделил земли между пятью сыновьями, отдав Хьялме самые обширные и плодородные угодья, и братья признали его главенство – за ум и рассудительность. Все, кроме одного. Того, кто из жажды власти начал страшную войну.

Не успели замолкнуть колокола, отзвонившие поминальную по старому князю, как гонец положил к ногам Хьялмы топор Сармата.

Рати мятежного брата встали на востоке. Горько плакала княгиня, умоляя Хьялму не губить её любимого сына – а Хьялма был силен. Люди уважали его и не раздумывая отдали бы свои жизни за господина. Позже так оно и вышло. Все погибли. Но сначала младший, Ингол, вызвался образумить Сармата. Он пришёл к нему один, не взяв ни щита, ни меча, не надев кольчуги. Долго и вдохновенно говорил он, что война между братьями – великое горе, и его кроткие глаза юродивого были влажны от слёз. Сармат засмеялся, потрепал его по белёсым кудрям – и ослепил.

Через месяц Ингол умер в подземельях Сарматовой крепости. А потом войска Хьялмы, Ярхо и юного гордого Рагне взяли её штурмом. Хьялма вызвал брата на бой и победил – однажды Рацлава слышала, как её свирель играла песню об этом поединке. Она заливалась в чужих руках, куда более искусных, чем у неё. Хрустальные звуки складывались в цветное полотно, хотя Рацлава не различала цветов. Но она знала, что кольчуга статного воина – Хьялмы – мерцала холодным серебром, а волосы юноши, приникшего к его ногам и запросившего пощады, были как тёплая медь, жаркое солнце и горячая кровь.

Восстание Сармата было обречено на провал с самого начала, и, говорят, умирая в подземельях крепости, слепой Ингол окончательно потерял рассудок. День и ночь он обращался к Хьялме и просил его помиловать мятежника. Когда брали стены, княгиня-мать выплакала себе глаза и поседела наполовину. Если верить легенде, она приехала в лагерь и бросилась на колени перед старшим сыном – и в тот раз, у разрушенной крепости, Хьялма не убил Сармата.

Позже он горько пожалел об этом.

После поединка Ярхо был мрачен, Рагне – зол, Хьялма – сосредоточен и угрюм. Как ни пытался Сармат заговорить братьев весёлыми речами, ничего у него не вышло. Его помиловали, но не простили и по приказу Хьялмы заковали в цепи и заточили в каменную башню в ущелье.

Здесь история могла бы закончиться, и мир никогда бы не узнал людей, превращённых в драконов. Но – нет.

Шло время, и не было нигде князя мудрее и любимее, чем Хьялма. При жизни о нём слагали легенды, а его слова переходили из уст в уста. Но лишь немногие из его близких знали, что Хьялма был давно, с детства, тяжело болен: он кашлял кровью, и год от года ему становилось всё хуже и хуже. И однажды к нему пришли могущественные колдуны, волхвы с вершин гор, и, наслышанные о его силе и мудрости, принесли ему великий дар. Они собирались дать ему бессмертие: кожу прочнее кольчуг, когти острее копий, позвоночник твёрже каменного хребта. Они сказали, что нужно сделать, и, кроме Хьялмы, этот разговор слышали только его братья, Рагне и Ярхо.

Ярхо-предатель... Никто не знал, когда он начал завидовать великому князю и когда решил пойти на измену. Устав быть в его тени, он отправился в ущелье. На пути его трижды останавливал гром. За три ночи он потерял трёх коней – но не внял предупреждениям богов и, одолев стражу, перерубил цепи и освободил Сармата, рассказав ему о волхвах.

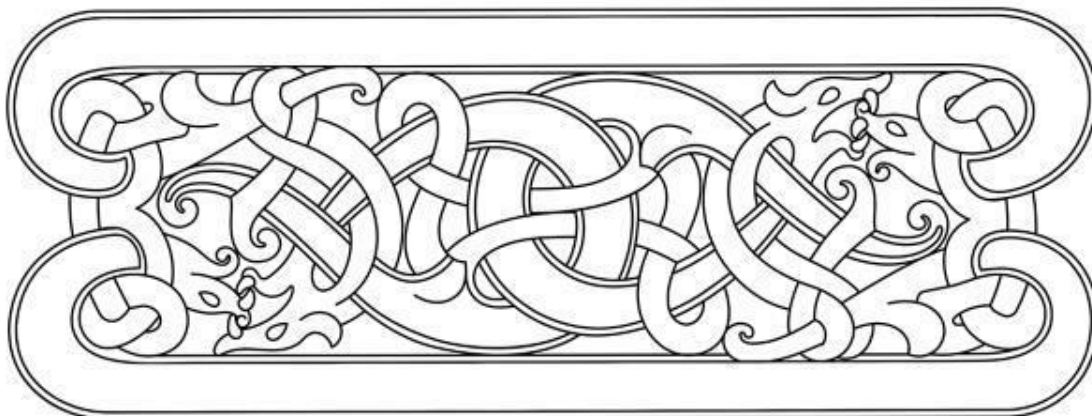

И тогда полилась кровь. Реки крови, окрасившей горы, землю и небо в багряный, княжий цвет. И с тех самых пор свет не видел битв чудовищней.

...Придёт время, Рацлава сыграет и эту песню. А пока телеги ехали на восток и ветры завывали под звёздами.

Зов крови I

Из их деревни было видно, как дотлевали шпиль древнего Гурат-града. Над оплавившимися куполами, красными с позолотой, курился чёрный дым. Воздух был душный и прелый, и сухой нёс по степи комки травы и запах гари. Слезящиеся глаза Кригги заливал пот, но она ничего не могла поделать; одно движение – и верёвки сильнее впились во взмокшую кожу.

Кригга рвано выдохнула и облизнула потрескавшиеся губы. Она почти ничего не видела из-за пота и слёз. Под ней, привязанной к высокому деревянному столбу, расстилалась мутная жёлтая степь. Расплывчатый диск солнца пылал над мёртвым Гурат-градом. От жара горы, огибавшие Пустошь, растеклись и замерцали алым.

– Я стою под столбом во твоей земли, – горло свело судорогой, – охраняй меня, матушка, и спаси. Я стою под столбом...

Каждый раз она сбивалась, начинала плакать и кашлять, но спустя мгновение продолжала снова надтреснутым, ломким голосом:

– ...во твоей земли. Сохрани меня и спаси. – Кригга дрожала, и верёвки оставляли ожоги на её грубо перетянутых руках. Под грудью давило, живот онемел от страха и боли. – Я стою под столбом во твоей земли...

Ей хотелось пить. А ещё – вывернуться и в последний раз взглянуть на свою деревню. Дары Сармату оставили далеко за частоколом – девицу и тюки с серебром и зерном. Узорные ткани, вытканые лучшими местными мастерицами. Глазурованные блюда, малахитовые шкапулки, нефритовые серьги, расшитые пояса – всё, что удалось собрать. Деревенский голова тряс каждый дом и вывернул собственные закрома, почти лишив приданого своих дочерей, но стоило ли? Говорят, в недрах Матерь-горы спрятаны сказочные сокровища. Что Сармату до их неказистой дани?

Гурат-град был богат и могущественен. Он мог откупиться сам и помочь окрестным деревням, в которых жили не тукеры, желтокожие кочевники Пустоши, а такие же княжьи люди. Но не захотел. Думал, что выстоит и заживёт вольно. Гордый город защищали крепкие стены старинной твердыни князей и ханов. Полноводная река Ихлас несла к нему свои бирюзовые воды. Но Кригга не знала ночи страшнее, чем та, когда Сармат жёг Гурат. Мать, простоволосая и босая, рыдала и прижимала к груди младенца. Кригга, бросив сестёр в тесной горнице, причитала у ног старой бабки, уже не поднимавшейся с постели. А над Гурат-градом крутилось марево ослепительного кроваво-золотого пожара, крошился камень и ревела медная драконья глотка.

– Я стою под столбом во твоей земли, если можешь спасти меня, то спаси, если можешь спасти меня, то...

В деревне жили девушки куда красивее Кригги, более взрослые, налившиеся. С пригожими лицами, а не с таким, как у неё, по-мужицки широким подбородком. Но именно Кригга, уже вошедшая в возраст невест, вытащила из мешочка камень с красным крестом. И на неё надели холщовое платье и в четыре руки заплели светло-русую косу до колен.

Старая бабка, прощаясь, ухватила Криггу за длинные волосы.

– Хорошо загорится, – проскрежетала она, и её колючие глаза заволокло пеленой.

...Если Сармат не прилетит, дадут ли Кригге воды? Или так и оставят умирать на столбе, побоявшись выйти за частокол? Кригга жалобно взывала и попыталась вытереть плечом блестящую от пота щеку, усыпанную бесформенными кляксами веснушек. Спина у неё затекла, лопатки кололо. Позвоночник словно приварился к шершавому дереву.

И тогда на степь легла тень драконьего тела.

Кригга вскинула голову и отчаянно заморгала, пытаясь смахнуть с ресниц влагу. Она видела, как солнце отразилось на красной чешуе. Слышала, с каким звуком кожистые крылья распорили стылый воздух. Кусочки сухой земли и клубки травы зашелестели и покатились, гонимые горячим потоком. Гадюки и полёвки забились в норы, дребезжаще вскрикнула пустельга. Кригга тоже закричала, но её голос утонул в утробном рычании дракона. Она похолодела, задёргалась и даже не заметила, что верёвки протёрли ей кожу до крови.

Дракон нырнул вниз и едва не коснулся брюхом пожухлого ковыля. Острый конец его медного крыла прорезал линию над сваленными тюками. Кригга рванулась вперёд, будто захотела скинуть путы, и из её беспомощно распахнутого рта потянулись нити слюны. Кригга крепко зажмурилась, прежде чем её обдало жаром, а Сармат-змея взмыл над столбом. Ей показалось, что его тело больше княжеского терема, а размах крыльев – шире любого дворища. Кригга тоненько взывала, не открывая глаз. Пятнистое от веснушек лицо резко побледнело.

Вокруг драконьей невесты кружился раскалённый воздух. Плясали белые мушки пылинок, на поникшие стебли струился свет. От пота и слёз ресницы Кригги окончательно слиплись, но во рту было страшно сухо, и теперь из горла доносился только рваный скулёр.

Раньше она никогда не теряла сознания. Но когда когти чудовища обхватили столб и сдавили её живот, когда с хрустом вывернули дерево из лопавшейся от зноя земли, Криггу обволокла удушливая спёртая темнота.

Последним, что она увидела, когда случайно открыла глаза, был дым над уменьшающейся деревней.

За одну невесту давали ненужное зерно и бесполезных коней, за вторую – золотые кубки и монеты. Но приданое гуратской княжны – целый город. Великий оплот древности. Весь, со

своими куполами и инжирными садами, с сильными мужчинами и посмуглевшими от солнца женщинами. С их маленькими детьми, которых каменные воины поднимали на мечи.

Который день Малика Горбовна ходила по глубинным залам Матерь-горы. Высеченные из породы своды уходили высоко вверх – шаги отдавались гулким эхом. Малахитовые, мраморные, аметистовые палаты... Иногда княжне казалось, что Матерь-гора сама прокладывает ей путь. Двери появлялись сами по себе. Вымощенные полы выводили её то к пиршественному столу, то к сундукам с одеждой – как в первый раз. Малика давно потерялась во времени, потому что в горных недрах не было ни утра, ни ночи. Она плутала по тем местам, где ей позволяла Матерь-гора, и за этот срок не встретила ни одного живого существа.

В палатах были десятки вырубленных ниш, и в каждой – по каменному воину. Но гуратские захватчики двигались и говорили. Эти же – безмолвные изваяния с закрытыми глазами. Их потрескавшиеся ладони сжимали рукояти тяжёлых двуручных мечей, и как Малика ни старалась, она не могла сдвинуть ни пальца. Княжна долго изучала прочную кольчугу и трогала шершавые лица, но никто из воинов даже не шелохнулся. И тогда Малика шла дальше. Горные чертоги были сказочно, таинственно прекрасны: стены переливались в свете негаснущих лампад. В отполированных камнях Малика видела своё отражение – она в платье цвета киновари с длинным рядом пуговиц. Но в Гурате княжна носила одежду не хуже. И ни одни недра не могли сравниться с её городом.

С её мёртвым сожжённым городом.

Скоро она начала скучать. Малика не могла долго любоваться собой, даже несмотря на то, что была красива. Расцветшая, высокая, статная. Гладкая кожа, медовые волосы и отличный для Горбовичей нос с горбинкой. Чёрные брови вразлёт, хотя это её нисколько не портило.

Княжна исследовала ходы, которые открывала ей Матерь-гора. Перебирая вещи, оставленные для неё прихвостнями Сармата, нашла брошь в форме сокола – знак её рода, символ Гурат-града. Она заглядывала в лица каждому каменному воину, пытаясь узнать одного-единственного – Ярхо, их предводителя. Беспокойно дремала на холодных полах. И когда все занятия исчерпали себя, Матерь-гора смилостивилась: Малика разглядела неприметную, обложенную кварцем дверцу, хотя твёрдо знала, что раньше из малахитовых палат был только один выход.

Дверца вывела её на узкую, круто закрученную лестничную спираль. Каждая ступень – обтёсанный гранит. Под ногами Малики мелькали вкрапления мрамора и скользкого кварца, тысячи пятнышек на множестве ступеней – княжна быстро сбилась со счёта, и виток за витком уводил её наверх. Под конец она подобрала юбки и зашагала, согнувшись от усталости. Новую дверь украшал цветной витражный круг с изображением крылатого змея – один кусочек, около хребта, откололся, и на его месте темнела дыра.

Комнатка была небольшая, с низким потолком и очень бедная по сравнению с самоцветными палатами. Освещали её свечи, а не резные лампы. Жужжала деревянная прялка, и на каменной скамье, устланной белым полотном, сидела старая вёльха.

Вёльха была низкорослая и дряблая, в неподпоясанном платье поверх длинной рубахи. Седые волосы выглядывали из-под рогатой кички, подвески которой переливались мелким бисером. Малика знала, что кичка – убор замужних женщин. Как ведьма могла его носить? Княжна выпрямилась и прошла вглубь комнаты, постукивая башмачками, но вёльха не обратила на неё никакого внимания. Она продолжала прясть, нащёптывая незнакомые слова и обнажая гнилые зубы. Колесо прялки мерно поскрипывало. В растянутых мочках старухи поблёскивали колдовские лунные камни.

– Послушай, ведьма, – княжна вскинула голову, – где здесь ещё живые?

Она так соскучилась по человеческому голосу, что стерпела бы даже вёльху. Но та не ответила. Не оторвалась от нитей и не прервала потока странных слов. Малика не боялась

сглаза – ей казалось, после пожара в Гурате она не боялась ничего. Молчание ведьмы вывело её из себя, а княжна держала лицо даже тогда, когда хотела оставить от чертогов лишь малахитовые и опаловые осколки, – поступить с домом Сармата так же, как он с её.

Это была последняя капля.

– Ты что, глухая? Отвечай, если я с тобой говорю.

Вертелось колесо вѣльхи, ползла пряжа.

– Мерзкая жаба, – ноздри Малики расширились. Княжна шагнула к прялке, но не отшвырнула её только из-за брезгливости – ведьминские вещи грязные. – Посмотри мне в лицо. Есть здесь кто живой, кроме тебя? Где Сармат? Где его брат-изменник? Я хочу их видеть.

Вѣльха и ухом не повела. По-прежнему крутила волокно, тянула нити и, бормоча, улыбалась пряже гнилым ртом.

Малика презрительно скривилась и отступила.

– Ты, наверное, страшно глупа. – Ведьма не подняла головы. – Годы выбили у тебя последние мозги, гнусное отродье. Что ж, оставайся здесь и мри в одиночестве.

Она уже собралась уходить, но напоследок вздёрнула породистый нос и выплюнула:

– Да что ты там всё прядёшь?

И тогда вѣльха гадко захихикала. От неожиданности Малика приподняла чёрные брови, а ведьма продолжила смеяться – грудь её затряслась.

– Она спрашивает, что я пряду, – сообщила она прялке, давясь скрипящим, надрывным хохотом. Морщинистая шея заходила ходуном. – Она спрашивает, что я пряду!..

Два острых глаза впились в лицо Малики: один – жёлтый, второй – чёрный, без зрачка.

– Смерть твою, княжна.

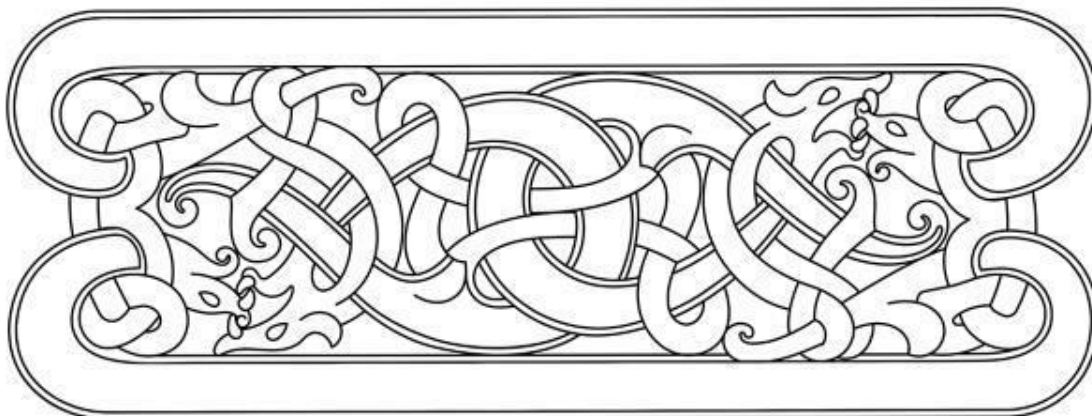
Дрогнуло гордое лицо. Малика выдержала взгляд вѣльхи и ещё долго и холодно смотрела на неё, вновь принявшуюся за работу.

– Старая дура, – обронила она надменно. Развернулась на каблуках и вышла вон.

Песня перевала III

По лагерю тянулись десятки тяжёлых запахов: чад зажжённых костров и древесные смолы, жареное мясо; приречные цветы, конский пот, разбавленная брага и сырая земля. Запахи клубились вокруг Рацлавы, лезли в рот и нос... Как бочку с водой, уши драконьей невесты заливали звуки: треск поленьев, разговоры, стук ножа по ветке. Стрекот сверчков, кваканье лягушек и даже шелест камышей. «Мы ещё в княжестве, – поняла Рацлава. – Поэтому всё так спокойно».

Разложенный за ней походный шатёр, небольшой, но прочный, пах дорогой и пылью. Та Ёхо, сидевшая напротив, – корой и хлебом, Хавтора – чем-то кислым. От Совьон по-прежнему шёл запах стали и вязкого дыма с горькой полыньёю. Пугающий запах, тревожный. Воительница наконец-то шагнула вперёд и, скрестив ноги, села к их костерку – Рацлава услышала, что сейчас на её плече не было ворона.

– ...Это правда, гачи сур, высокогорница, что в твоём племени есть оборотни?

– А правда, что вы привязывать детей к колесам кибиток? – ответила Та Ёхо, и Хавтора склонила голову вбок. – Я в это не верить. А верить ли ты в наших оборотней?

– Нет, – резко ответила рабыня. – Небо знает только одного человека, способного взять себе чужое тело.

– Ну, это как смотреть, – развеселилась Та Ёхо. – Может, одного. А может, и нет. Кто знать?

– Разве в Пустоши нет шаманов, которые примеряют на себя кожу животных? – ровным, ничего не выражающим голосом спросила Совьон, и Хавтора неопределённо тряхнула головой.

– Некоторые из моего народа пытались переселить свою душу, но у них ничего не вышло. Некоторые пытаются до сих пор. Один лишь Сарамат-змея...

Рацлава откашлялась и почти до груди натянула отрез плотной ткани, которым оборачивала ступни. Пламя костра, разожжённого перед их шатром, приятно постреливало в воздухе. Она потянулась к нему и повернулась туда, где должна была сидеть Та Ёхо.

– Вы поклоняетесь Сармату?

– И да, и нет. – Высокогорница пожала плечами и пригубила напиток из рога, обвитого едва заметной трещинкой. – Среди наших богов есть Молунцзе, красный дракон. А есть Тхигме, белый. Молунцзе – огонь, зло и кровь, а Тхигме – лёд, мудрость и вечная зима, лежащая на вершинах Айхаютама. Многие старейшины считают, что оба дракона – ипостаси одного бога. Единого, как цикл жизни.

Та Ёхо поставила рог на поджатые ноги.

– Насмешник и хитрец Молунцзе строить козни человеческому роду и сам обращаться человеком на полную луну. Раз за разом Тхигме, который возвращаться в людское тело, когда хочет сам, мешать ему. Козни Молунцзе становиться всё страшнее и губительнее, но Тхигме помогать нам. Он исправлять их последствия. Предугадывать их. Убивать Молунцзе каждое новолетье, но тот возвращаться снова.

– А что будет, если Тхигме не разгадает хитрость?

– Миру прийти конец, – улыбнулась Та Ёхо. – Это правильно, Раслейв. Однажды так и быть. Однажды, но не сейчас.

Совьон криво усмехнулась и посмотрела на синеющие в ночи горы, гнутые и острые, как зубцы короны.

– Подожди-ка, гачи сур, – возмутилась Хавтора, расправляя сухие и тонкие, словно у девушки, плечи. – Хочешь сказать, что этот ваш Тхагма – Кагардаш?

«Хьялма», – упрямо подумала Рацлава. Старший княжий сын, так почему ему дают такие странные имена? Хьял-ма, резкое, хлёсткое, будто удар кнута. Будто ожог, оставленный морозом.

– Богохульники! – взвизгнула Хавтора, а Та Ёхо широко заулыбалась и отпила из рога. – Кагардаш был слаб, и он умер человеком! А какие-то гачи сур посмели посчитать его ровней Сарамату! Да вы, бель гсар ади, юлду шат чира, неотёсанные, самонадеянные, и эта ваша вера...

– Знай своё место, рабыня. – Совьон положила тяжёлую ладонь на своё колено, оттопырив локоть. Грозно блеснули глаза. – Если ты ещё раз оскорбишь чужих богов, клянусь, я вырежу тебе язык.

Она была красива и внушительна, воронья женщина. Тонкий прямой нос, широкие брови, одна из которых – рассечённая. Густые волосы, заплетённые в нетугую косу – голову окутывал иссиня-чёрный ореол. И если бы Совьон не была так сильна и мужеподобна, многие воины сходили бы по ней с ума.

Осаженная Хавтора сгорбилась, хотя мгновение спустя ощерила зубы в лукавой улыбке.

– Так тому и быть. Но я думала, что ширь а Сарамат, драконьей невесте, мерзко слушать подобное.

Возможно, Сармат – человек, а возможно, вечно крылатый ящер. Но чем его считают слабее, тем Рацлаве легче.

– Ты ошиблась. – Она поправила длинный рукав платья, наполовину лежащий на подстилке. – Прости её, Та Ёхо.

Высокогорница и не думала обижаться. Она махнула рукой, свободной от рога, показывая, что тема исчерпана.

– Ссоры – не лучшая музыка для моих ушей, – заметила она. – Но если мы заговорить о музыке, Раслейв, я видеть свирель у тебя на груди. Ты не хочешь сыграть?

Рацлава готова была поклясться, что Совьон напряглась. Она даже задышала по-другому, одновременно глубоко и рвано. Мышцы под её рубахой затвердели, шея застыла. Но лицо – и Рацлава не знала об этом – осталось совершенно невозмутимым.

– Я бы с радостью, Та Ёхо, – Рацлава покачала головой, – но у меня болят пальцы. – Она провела ладонью, перевязанной лоскутками в засохших бурых пятнах.

Это правда. Музыка, которую она сыграла старому черногородскому воеводе, далась ей слишком тяжело.

– Мне очень жаль.

– Пустое, – отмахнулась Та Ёхо. – Сыграть когда-нибудь в другой раз. Лечить свои пальцы!

Усмешка тронула маленький пухлый рот Рацлавы.

– Хорошо. Вылечу.

Нет, её пальцы никогда не заживут. И боль никогда не уйдёт. Иногда она становилась такой сильной, а крови лилось так много, что Рацлава не могла держаться на ногах. Но придёт время, и она будет падать после более искусных песен, а потом перешагнёт и их.

– Чем же ты так сильно изрезала руки, Рацлава с Мглистого Полога? – Дыхание Совьон выровнялось, а голос напомнил упругое дребезжание железа. – Разве у тебя есть нож? Возможно, кто-то напал на тебя или лекари вскрыли тебе жилы?

В висках застучало. Рацлава медленно повела едва запёкшимся подбородком и выдавила ответ – он пришёл на ум раньше всего:

– Я упала.

Хавтора вскинула руки, округлила губы и закачала головой. Дай ей волю, она бы разразилась стенаниями.

– Наверное, в лесу? – подсказала старуха.

– В лесу, – ухватилась Рацлава, чувствуя, что Совьон ей ни капли не верит. – Распорол кожу о терновый куст.

Позже Рацлава поняла, что её ложь выглядела жалкой. Когда она пошла в лес? Зачем? Как её могли выпустить пристроенные к ней няньки? А ведь, судя по крови, это случилось совсем недавно.

– О терновый куст, – помолчав, повторила воительница. И сухо добавила: – Будь осторожнее.

Ветер сменился, и от Совьон так сильно дохнуло полынью, что Рацлава вздрогнула.

Место из её сна окружали льдистые фьорды. С мягкой травой на склонах и с водопадами, стелющимися по породе, как фата по стану юной невесты. Мглистый Полог, родина Рацлавы. Она, почему-то в своём роскошно-нежном платье с длинными рукавами, стояла на скале, обдуваемой холодными и пряными ветрами.

Во сне скала переходила в лес, из которого выступало сказочное дерево. Его кустистые ветви тянулись к бездонному небу, а в листве шумели птицы. Дерево цвело – лепестки розовые, словно рассвет. Белые, будто молоко. Жёлтые, как робкое весеннее солнце. И голубые, напоминающие едва сломанный лёд на ручье. Дерево смотрело на Рацлаву лицом могущественной женщины и не так, как глядел безжизненный Шестиликий столп. Это была древесная колдунья. Ветви – её руки. Перекрученные, уходящие в землю корни – обездвиженные ноги. В листве-рукавах чирикали птицы.

Рацлава боялась этого сна. Бледная и босая, она стояла на скале, и через пару шагов от неё на камень напозлал чернозём. Она попыталась вернуть себя в шатёр, где слышались пение цикад и чужое посапывание, но сон держал цепко.

– Кельхе... Отпусти меня, Кельхе...

Древесная колдунья, которая казалась ещё больше, чем была в настоящем, повела руками-ветвями. Птицы порхали над цветами и щёлкали клювами из густой кроны. Лубяные губы Кёльхе распахнулись, а глаза – как хорошо, что Рацлава не видела её светло-серых, как талый снег, глаз – полоснули воздух, будто нож – плоть.

– Отдай, – зашипела листва. – Воз-зврати, воровка, то, что украла, воз-зврати.

– Без-здарность, – раздался клёкот в птичьих клювах. – Воровка, воровка! С-свято-татс-ство, предательс-ство, из-змена...

Молчала одна Кёльхе, плавно шевеля ветвистыми руками. Рацлава зажала уши, когда ветер, поднимаясь от корней, просвистел:

– С-свирель, с-свирель...

Сон отшвырнул её на несколько лет назад. Рацлава осязала седые, вплетённые в кору волосы древесной колдуньи, запах весенних цветов, реки под обрывом, несущие холодно-пряную воду к холму, где ходили стада пастуха Вельша. Чувствовала и кружевное оперение птиц Кёльхе, прохладу их зренья и остроту голоса.

Мгновение – и сон сменил её платье на исподнюю рубаху, щекочущую лодыжки. Рацлава начала пятиться, спотыкаясь о камни, но не отнимая ладоней от ушей. К ней подлетели птицы и начали трепать её косы, вырывая из своего нутра: «Воровка! С-свирель!» Ветер лизал проросшие руки колдуньи.

И тогда Кёльхе закричала.

Это был не визг женщин, в чьи дома зашли каменные воины. Не стон матерей, чьих детей сбрасывали со скал в заливы. Не плач вдов, не рёв сирот. Это был нечеловеческий, хрустально-пронзительный крик, от которого разбивались фьорды. Мучительный. Чудовищный. Предсмертный. Птицы рванулись к небу и скрылись в тумане. Кора на теле Кёльхе начала лопаться и выворачиваться. Из порванных жил потёк древесный сок. Цветы облетели, и ветер швырнул Рацлаве мёртвые лепестки. Стиснув голову руками, она отступала и отступала, пока её нога не соскользнула в пропасть.

Рацлава падала со скалы медленно, в негаснущем дребезге последнего вопля.

Она очнулась на смятых простынях – рубаха задралась выше колен. В шатре пахло утренней сыростью, сладковатой росой, вчерашним костром и илистой рекой. Рацлава сжала свирель и, не отпуская её, сползла со шкур. На ощупь, запутавшись в чужой постели, перетрогав почти весь шатёр изнутри, чудом не наступив на Хавтору, она вышла наружу.

Это было раннее утро, многие ещё спали. На голубом небе стыли облака, веяло туманом и кристально чистым сентябрьским морозцем. Пальцы Рацлавы свело жгучим желанием играть. Сейчас – и играть до горячей, солёной крови.

У входа сидела Совьон и точила кинжал.

– Здравствуй, – сказала Рацлава хрипловатым голосом. – Пожалуйста, отведи меня к реке.

Её босая ступня опустилась на мелкие приречные камешки, которыми был усыпан весь склон оврага. Придерживая подол, очень осторожно Рацлава начала спускаться. В какой-то момент она всё-таки оступилась и, прежде чем её подхватила Совьон, попыталась уцепиться рукой за откос. Но нащупала только всё те же камни, покотившиеся под её пальцами. Ладонь заныла: будет ещё одна ссадина, такая же, как на подбородке. Для слепой у Рацлавы слишком тонкая кожа.

Вода, лизнувшая её ноги, была обжигающе ледяной. Стиснув зубы, Рацлава двинулась вперёд. Совьон стояла на скате повыше её и наблюдала взглядом охотника. Рацлава не знала этого, но у неё проскользнула озорная мысль о побеге. Сколько шагов она сумеет сделать до того, как Совьон схватит её за косы? Два? Один?

Река уже плескалась у её бёдер. Рубаха намокла и отяжелела, и, потянув за кожаный шнурок, Рацлава подняла свирель. Пальцы свело знакомой болью. Рацлава давно разложила её на ощущения – это была сладкая, немеющая, бесконечная боль. Зажав одно отверстие указательным пальцем, она наполнила дыханием белую косточку, украшенную витиеватой резьбой, и над рекой потянулся первый звук.

Первая нить в полотне, которое она может вы ткать. Но Рацлава быстро поняла, что переоценила себя. Её руки до сих пор были слишком слабы, и наточенная, напряжённая, звенящая струна обнажённого звука повисла в тумане над оврагом. Что Рацлава может с ней сделать? Заставить её надуть парус драккара? Или обернуть ей шею невесты, сидящей на пиру рядом с нелюбимым? Или превратить струну звука в колесо вёльхи, прядущей судьбу? Тысячи нитей и сотни историй. Играй, играй!..

Липкие капли крови сорвались в воду.

Рацлава взяла второй звук, выше, чем первый и покачнулась вместе с речной волной. «Не смогу, – поняла она. – Не сейчас». Свирель выскользнула из пальцев, упруго отозвался шнурок. Два звука таяли над её головой. Так Рацлава и стояла по пояс в реке, по глади бежала рябь, и мягкие водоросли колыхались у её щиколоток. Зайти глубже, чтобы умыться, она не могла.

Когда затих последний звон, Совьон подала голос.

– Довольно, – отчеканила она. – Выходи, а не то окоченеешь.

Рацлава отошла назад и ухватила пухлой, в расползшихся лоскутках ладонью за твёрдую, чуть шершавую руку воительницы. Та рывком выдернула её на берег. О свирели не сказала ни слова.

– Свежая кровь на пальцах, – зато процедила она. – Драконья невеста нашла терновый куст?

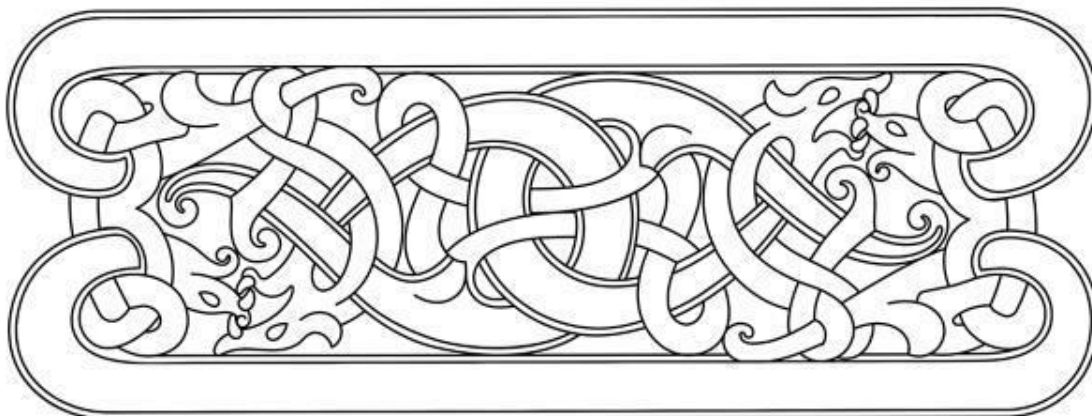
Рацлава промолчала – холод набросился на неё с новой силой. Тело скрутило, как в судороге. Губы и ногти мгновенно посинели, но Совьон расправила чёрный шерстяной плащ. Укрывая Рацлаву, воительница заметила, что из-за отяжелевшего подола рубаха оттянулась и обна-

жила кусочек спины. На белой коже розовели точки давно заросших шрамов. Это могли быть следы от веток в чаще, от случайно подвернувшихся обточенных колышков; выправленный угол стола, острые щепы да даже чьи-то стрелы. Но Совьон, воронья женщина, узнала эти отметины. Она отличила бы их от любых других.

Ниже шеи Рацлаву били птичьи клювы.

Хмель и мёд I

Позже Рацлава вспоминала, что это были лучшие дни пути. Караван ещё ехал вдоль чернгородских рек и густых лесов: пахло хвоей и ежевикой, липой, сырой землёй. С Рацлавы сняли дорожное, неудобное в походе платье и нарядили в мягкую рубаху и тукерские шаровары – такие же, как у Хавторы. Только сшиты они были из тёплой северной шерсти и стоили дороже старой рабыни. Головное покрывало сменили на тонкий платок, спускавшийся ниже плеч, а поверх него надели округлую шапочку, понизу подшитую мехом. Но главное – пальцы Рацлавы зажили так, что она наконец-то смогла играть. Хотя сама предпочитала слово «ткать».

Весь мир для неё состоял из нитей. Нити леса, воды, запаха ежевики, конского топота... Они тянулись по воздуху, путались, тонко звенели – бери их, Рацлава, пропускай сквозь свирель и тки музыку. Но из самых нежных, горячих, певучих нитей-струн состояли люди. Рацлава не умела – пока не умела, как думала она сама, – ткать из людей. Кельхе – да. Она из любого человека вила верёвки, могла заставить его станцевать, утопиться, поджечь свой дом, положить к её корням сердце любимого. Сколько ходило сказок о таинственных певцах, способных завладеть человеческой волей, и все они были стары словно мир. Рацлава научится. Придёт день, и она научится, как научилась всему, что умеет сейчас.

Если не можешь вытянуть из человека струну, то хотя бы дотронься до неё. Пропусти сквозь пальцы, погладь, сожми. И человек поверит, будто играешь о нём, для него. Захочешь – засмеётся, захочешь – заплачет. Но Рацлава встречала разных людей, и нити у них были разные. Чтобы развеселить дочку землепашца, свирель забирала лишь несколько капель крови. Чтобы заставить рыдать старого воеводу, Рацлава изрезала себе все руки. А у некоторых людей струны были такие острые и жёсткие, что, казалось, приблизиться – и отсечёшь себе фалангу.

Но Рацлава научится. Так же, как научилась ткать из мышей и птиц. Более того – она умела раздвигать струны, из которых они состояли, и занимала их место.

Караван ехал мимо рек и лесов. Тело Рацлавы сидело в повозке и наигрывало тихую жуткую песню – Хавтора сказала, что она напоминает ей монотонную дробь степных барабанов. Но Рацлава не слышала. Её бельма закатились, окровавленные пальцы передвигались сами, а душа летела в теле дикой утки над людьми и телегами, вдоль запахов липы и хвои.

Благодаря таким полётам она лучше ощущала цвета, но зрение настоящее, полное зрение ей не давалось – пока. Однажды, Рацлава надеялась на это, она сможет целиком влиться в чужое тело. Подчинит себе кости, сухожилия, язык – и глаза. И, боги, великие её боги, она сможет видеть. Но сегодня Рацлава, соседствуя с душой утки, расправляла крылья на лентах запахов, скользила по восточному ветру и ныряла в воздушных потоках. И как же ей было хорошо!

Рацлава понимала, что после этого полёта она не сможет играть весь следующий день. Играть в полную силу – чтобы свирель резала её пальцы и пила тягучую кровь. Без жертв для Рацлавы не существовало настоящей, волшебной музыки: ярких полотнищ историй, чужих смеха и слёз. Она могла посвистывать, словно пастушонок на дудочке, и кожа её оставалась цела – так она играла за ночь до Божьего терема, и так она будет играть, если снова разрежет себе руки до мяса. Но это не то. Это не сила древесной колдуньи Кёльхе и певцов древности.

Рацлава в теле утки не могла полностью управлять крыльями. Птичья душа теснилась где-то подле и ограничивала её простор. Ничего, ничего – сегодня она довольствовалась и этим. Но сердце Рацлавы сладко щемило при мысли, что когда-нибудь она сумеет упорхнуть к льдиным морям и к пескам, что лежали на юге. Она оставит под собой другие обозы и отряды, идущие на войну, услышит незнакомую речь и впитает в себя сотни, нет, тысячи новых запахов. А сейчас Рацлава взмыла над верхушкой ели и, подчинившись утке, гортанно прокричала. Обогнула деревья и прочертила в высоте круг над караваном.

В средней повозке сидело её тело, мягкое, как пух, и белое, как молоко. Рядом ехали люди – для неё они были не больше кровавых подтёков на рукавах. Птичье тело лучше переносило сентябрьский морозец, и Рацлава совсем не ощущала холода. Воздух приятно всколыхнул узорные, бурые с рыжим перья, и душа утки испуганно зашевелилась – птица захотела вернуться к реке. «К реке так к реке», – согласилась Рацлава, но в это мгновение, спустившись ниже по ветру, она поймала две дорожки удивительных запахов. Они исходили от двух молодых мужчин, пустивших своих коней лихим бегом и опередивших весь караван.

От первого веяло мёдом и хмелем, лисьим мехом и осенней листвой. От второго – гнилой осокой и тленом. Будь у Рацлавы нос, а не клюв, она бы сморщилась. Её так заинтересовали эти запахи, что, пересилив душу утки, она нырнула вниз. Но, упустив птичье горло, ей пришлось прокричать во второй раз. Рацлава не понимала, что в руках у обоих мужчин были луки, и тот, что будто бы гнил изнутри, спустил тетиву.

Стрела пробила горячее птичье сердце. Кровь залила светлую грудку, а нутро разодрало кряканье – Рацлава поняла, что падает.

Когда она очнулась в своей повозке и в своём теле, то согнулась от страшной боли. Она обвила себя руками и часто, испуганно задыхалась, к ужасу Хавторы, ещё несколько минут не откликаясь на своё имя.

Закат в тот день был бархатно-золотой. Темнело – вязкие сумерки напоздали на леса и расставленные походные шатры, чернили небо, оттеняя пляшущие языки пламени. Медно-рыжие, как тугие косы, змеящиеся по могучим плечам Тойву, сидевшего рядом с Орkki Лисом, – одна ладонь лежала на колене, вторая поднесла чарку к губам. Орkki смеялся над какой-то шуткой и поглаживал остроконечную пшеничную бородку. Злой горячечный Скали,

очень худой, с чёрными волосами и усами, с глазами как две пробоины, обнажал в ухмылке зубы и почти не притрагивался к еде. Гъял жевал травинку, Безмолвный – мясо. Вис и Корноухий играли в ножички.

Если подумать, то, отвернувшись, Лутый мог подробно рассказать, чем занимался каждый из дюжины воинов, собравшихся за их главным костром, подле предводителя. Лутый цепко высматривал даже тех, кто находился в его слепом пятне. Это получалось непроизвольно и невероятно быстро. Одно мгновение – и он уже всё охватил. Его единственный глаз был острее и внимательнее, чем пара здоровых у многих воинов.

Следующая шутка, развеселившая Орkki Лиса, принадлежала Лутому, расположившемуся по его правую руку. Орkki даже несильно потрепал его за ухо, а тот, склонив голову и рассмеявшись, положил в рот былинку.

– Острый язык у тебя, парень, ох острый.

Конечно.

– Уж куда ему до языка Скали? Так, – он вынул стебель, – былинка перед ножом.

Сухой черноглазый Скали, с волосами до середины шеи, вьющимися и сальными, скривил губы. Будто улыбнулся, жутко и страшно. Но Лутый только хохотнул, и на его правой щеке выступила ямка. Он может говорить всё что захочет, если решит, что другие сочтут это забавным. Кроме него, со Скали никто не водится, и тот, как бы ни был суров, не решится потерять единственного приятеля. Говорили, что у Скали не слюна, а яд – до того он был вечно зол и всем недоволен. А Лутый... Лутый – любимец Орkki Лиса, хмель и мёд. Он весел и словоохотлив. Изжелта-русые волосы падали ему на лоб в россыпи мелких веснушек, лукаво поблёскивал правый карий глаз, а левый вместе с почти половиной лица закрывала широкая грубая повязка. Лутому было двадцать лет, но Орkki Лис уже ценил его за внимательность, остроумие и хитрость.

Когда Тойву вытирал усы тыльной стороной ладони, к их костру тихо подошла Совьон, воронья женщина. Она села на колени, оказавшись за правым плечом предводителя, а после того как мужчины удивлённо замолкли, произнесла зычно и невозмутимо:

– Мне нужно с тобой поговорить.

Тойву наморщил лоб:

– Так говори.

– Нет, – не дрогнув, обрубил Совьон. – Наедине.

Орkki Лис длинно выдохнул и тут же потянулся за чаркой.

– Смотрите-ка, к нам пришла подстилка, – прошипел Скали так, чтобы его слышал один Лутый, но в это же мгновение встрепнулся ворон Совьон. Скали недолюбливал всех людей, а особенно – женщин. Высокогорница Та Ёхо была для него «дикарской шлюхой», драконья невеста – «жирной мерзостью, где только отъелась», её рабыня Хавтора – «степняцкой каргой». Однако самую лютую ненависть он питал к Совьон. Для неё он ежедневно придумывал новые оскорбления.

Лутый закатил глаз.

– У меня нет секретов от моих людей, – возразил Тойву.

Совьон, не изменившись в лице, повторила не то просьбу, не то приказ, хотя уж приказывать она не имела никакого права.

– Боюсь, это слишком важно.

Да никого она не боялась. Ни богов, ни духов и уж тем более злого Скали. Взглядом, которым её одарил Тойву, можно было рубить щиты.

– Надеюсь, настолько важно, чтобы ты сумела объясниться перед моими воинами, – жёстко вытолкнул он. Совьон не собиралась объясняться, но Тойву – предводитель, а она – подчинённая, и стержень у него внутри был не слабее её.

– Я прошу прощения. – Она склонила голову и сложила руки на груди. Тогда Тойву поставил чарку, поднялся и, поведя подбородком, сделал знак Совьон. Та послушно ушла с ним за шатёр.

– Ну дела, – протянул Орkki Лис и сплюнул на траву. Лутый, положив локоть на поднятое колено, задумчиво потёр большим пальцем уголок рта: он не любил, когда что-то от него ускользало. Позднее следует выяснить, о чём был разговор, – Орkki захочет знать. Обязательно захочет. Но пока...

Лутый прикрыл глаз и поправил зажатую зубами былинку.

Ночь наступила быстро. Люди укрылись в шатрах, погасив большие костры, – остались только факелы и огни для сторожевых. В воздухе повисли стрекот цикад и лошадиный храп. Этой ночью Лутый был в дозоре, но, как обычно, не смог долго высидеть у крохотного костерка. Он весело-терпеливо слушал, пока седой Крумр говорил о своей дочери Халетте, на которой мечтал его женить. Сам полушёпотом рассказал пару забавных историй, но, поняв, что тепло клонит его ко сну, вызвался осмотреть лагерь. Ноги увели Лутого от повозок, понесли вдоль шатра драконьей невесты и женщин, заставили обогнуть ряд маленьких палаток и привязанных коней. Все было мирно, и вскоре он оказался у густо поросшего склона, ведущего к реке. Спускаться Лутый не хотел – незачем, поэтому стоял по щиколотку в траве, вдыхая запахи тины и последнего клевера. За спиной потрескивали огни лагеря. Ветер шевелил пологи шатров. По веточкам хрустели знакомые шаги.

– Сегодня полнолуние, – сказал Скали. – Время оборотней.

И присел на землю подле него.

– Что ты здесь делаешь? – не поворачивая головы, спросил Лутый. Он сложил руки за поясницей. – Сегодня не твоя очередь.

В небе мерцала круглая луна. На неё напозлали дымчато-синие тучи.

– Отправляйся-ка спать.

– Знаешь, – продолжал Скали, – пока я шёл к тебе, я увидел, как в лес бежала лосиха. Шерсть у неё была коричневая, а копыта – будто посеребрённые.

– Да, конечно, – усмехнулся Лутый. – Для тебя каждая сова – девица, каждая лягушка – заколдованный парень. А конь Совьон и вовсе проклятый князь. Сказок про оборотней переслушал?

Лутый хорошо видел в темноте и краем глаза разглядел, как Скали сжал губы. «По-твоему, я не знаю, зачем ты ко мне пришёл?»

– Славный у этой бабы конь, верно? – протянул Скали после молчания.

– Славный, – уклончиво ответил Лутый.

Скали, призадумавшись, вскинул голову и посмотрел на него снизу вверх.

– Наверное, она очень им дорожит.

– Наверное.

– Хороший конь, – кивнул Скали. – Быстрый, крепкий и даром что одноглазый. – Лутый приподнял бровь и даже повернулся к приятелю. – Это ему и простить можно.

– Можно и простить, – развеселился он в ответ, но Скали ничего не заметил. Он ещё с минуту сидел и смотрел в одну точку, сцепив тонкие, как у мертвеца, пальцы.

– Лутый, – вдруг зашептал он. – Лутый, укради его. Пожалуйста, укради его для меня. Я знаю, ты можешь.

Конь Совьон огромный, дикий и норовистый. Он не подпускал к себе никого, кроме своей хозяйки, и в Черногороде откусил конюху половину ладони. Пылающий чёрный глаз, отрезанные прежним хозяином губы, литые мышцы...

– Я знаю, ты сумеешь...

Он – сумеет.

– Разве тебе не хочется показать, насколько ты ловок и умен?

Сначала нужно навязаться к Совьон. Почаще ходить с ней возле её коня, чтобы животное запомнило запах. Потом следует давать мелкие сладости: сахар, яблоки. В первый раз оставить далеко на земле, потом – все ближе и ближе к его морде. Через несколько недель покормить с руки. Если удастся, умыкнуть одну из чёрных рубашек Совьон, хранивших её запах, – у неё достаточно широкие плечи, чтобы одежда подошла Лутому. Дальше – дело ловкости. Выйти из слепого пятна, крепко ухватиться за хребет...

Но пусть у Лутого только один глаз, видит он далеко.

– Дурак ты. – Лутый наклонился к Скали, уперев руки в колени. – Это сейчас всё спокойно. А чем ближе мы к Матерь-горе, тем будет страшнее. Ты просто хочешь взять и посеять раздор в лагере? У тебя что, мозги усохли?

Скали дёрнулся, будто от удара.

– Совьон тебе за коня глотку раздерёт – и будет права. – Про себя не сказал. Лутый всегда сможет выкрутиться, и воронья женщина его не достанет. – Утихомирь свою злобу. Потому что, если я почувствую, что ты что-то замышляешь – а я почувствую, – твоя голова полетит на землю раньше, чем ты успеешь моргнуть.

– С-скотина, – выплюнул Скали. Лутый медленно вытер влажную от его слюны щеку, ухмыльнулся и выпрямился.

– Иди-ка спать. Как ты там сказал? Полнолуние – время оборотней. До шатра дойдёшь или проводить?

Скали поднялся и стиснул кулаки. Хотел что-то ответить, но задохнулся от ненависти и пошёл прочь, качаясь, как пьяный. Худой, сухой, горячечный...

Лутый вновь посмотрел на реку и взъерошил волосы.

Перед походом Тойву объезжал караван, идущий к Матерь-горе, и вместе с ним была Совьон. Она сидела на своём огромном коне, по-хозяйски придерживая поводья одной рукой, и смотрела на воинов пронзительно-чистым, спокойным взглядом. Позже парни из каравана шипели, почему это баба разглядывала их, как торговец – жеребцов на рынке.

Когда Совьон проезжала мимо Лутого – тот был готов поклясться, – она чуть прищурилась. «*Прихвостень Орчки Лиса*». Затем Совьон заметила Скали, и её и вовсе передёрнуло. Её невозмутимое, резко скривившееся лицо – словно безупречный лёд, по которому пробежала чудовищно заметная трещина.

– Зачем ты взял его? – как всегда, звучно спросила Совьон у Тойву. Воины из каравана обескураженно затихли. – Он и до зимы не доживёт.

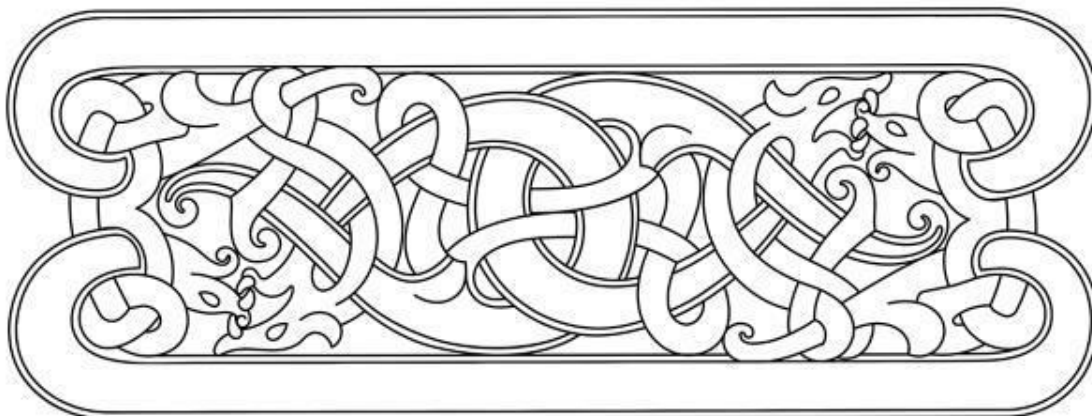
С тех пор Скали потерял покой. Воронья женщина уязвила его – страшно, прилюдно. И он измывался, из кожи вон лез, чтобы ужалить её в ответ. «Эх, Скали-Скали», – вздохнул Лутый, смотря на чёрную реку.

До зимы оставалось меньше трёх месяцев.

Зов крови II

Мир тогда был гораздо моложе, чем сейчас. Княжеские дети играли в саду, усыпанном, будто снегом, белыми венчиками тысячелистника. С неба лился свет – жёлтый с красноватой примесью. Смятые лепестки падали на землю, и хрустели корни кустов. Рагне, издав по-животному яростный клич, замахнулся деревянным мечом.

Осенью ему исполнилось семь, и он уже был заносчив, драчлив и горд. Не было мальчишки, которого Рагне не захотел бы вызвать на бой. Он не мог пропустить ни одну остро-зубую кошку, вздумавшую шипеть ему в узкое, сплошь в синяках лицо. Его выглядывающие из-под рубахи плечи и живот, колени и локти были в вечных ссадинах и кровоподтёках, но налившийся синяк на челюсти Рагне носил с особым достоинством. Этот – от Хьялмы.

Хьялме было четырнадцать, и он не вёлся на заискивающие речи. Младших братьев и пальцем не трогал – *обычно*. Но когда Рагне решил высмеять Ингола, самого младшего, которому едва исполнилось пять, то Хьялма отвесил ему оплеуху: чтобы неповадно было. Ингол был белокурый, с пустыми чисто-голубыми глазами. Он всегда глуповато улыбался, глядел на тысячелистники в саду и до сих пор плохо ходил. Не умел разговаривать – издавал только малопонятные звуки, но тянулся ко всему миру. Блаженный. Юродивый. Дурачок.

Сармат тоже смеялся над Инголом и даже как-то подсунил ему раскалённый, украденный у нянек напёрсток. Ингол обжёгся и долго плакал, но Сармату было девять, и ему всегда хватало хитрости не попадаться ни Хьялме, ни отцу.

Их отец всегда говорил, что Сармата нужно нещадно пороть. Но мать – мать безумно его любила. И когда Сармат пришёл к ней с повинной, уткнулся в её колени, а потом и расцеловал обожжённый палец Ингола, княгиня помогла ему избежать наказания – она знала, как смягчить суровый нрав мужа. И делала это каждый раз.

Поэтому Рагне ненавидел Сармата. Сдунув со лба тёмную, выскочившую из косы прядь, мальчик поднял деревянный меч.

– Выр-родок, – зашипел он. Сам – как рассерженная кошка. – Да чтоб тебя змеи жрали!

Рагне сделал выпад мечом, но тот лишь едва задел Сармата у ключицы. Сармат же вывернулся и чуть не сбил его ногой. Рыжие волосы упали ему на лицо, рассыпались по плечам.

Ярхо – одиннадцать. Подбородок у него был почти такой же, как у Рагне, только шире – отцовский. Стянутые в косицу светло-каштановые волосы, раздавленные плечи, сильные руки: одной он держал Рагне за грудки, второй – Сармата за шкирку.

– Самого тебя сожрут! – рявкнул Сармат, и Ярхо ощутимо потряхнул их обоих. Скоро и Рагне, и Сармат возмужают, но никогда не перегонят его ни в силе, ни в росте и ширине плеч.

Хмурое, тяжёлое лицо Ярхо выдавало только одно желание: столкнуть братьев головами, а потом забросить в кусты.

- Плешивая крыса! – Кончик деревянного меча мазнул Сармата по щеке.
- Свинья! – Пятка ударила Рагне в колено.
- Подзаборная девка!
- Слабак!
- Крыса!
- Выродок!
- Трус, дай только до тебя добраться!..
- Что же вы опять творите?

Их светлая княгиня-мать шла по садовой дорожке. Подле неё были две служанки, наполовину скрытые от княжичей круглыми кустами.

– Матушка! – Ярхо вскинул голову, и Сармат, улучив момент, дёрнулся и упал на землю. Он утёр рукавом рот, разбитый Рагне ещё до того, как их растащили. Сармат знал, что матери тяжело видеть его кровь. Он снова выдохнул: – Матушка...

Княгиня Ингерда нахмурила рыжие брови. Её голова была обёрнута белым платком, завязанным за шеей. От богатого венца вниз стекали цепи-рясны.

– Что они творят, Ярхо? – спросила княгиня, глядя в почти юношеское лицо сына. – Из-за чего они дерутся?

– Я не знаю, – признался тот и, потупив глаза, выпустил Рагне. Мальчик сполз на траву, вытирая распухший нос, а Сармат уже вскочил на ноги и бросился к матери.

– Знала бы ты, что он сказал, – буркнул Рагне, подбирая меч.

А княгиня Ингерда запустила пальцы в рыжие-рыжие, как и у неё самой, волосы Сармата.

– Уверена, вы оба наговорили друг другу обидного, – сказала она и оттянула Сармата за прядь на макушке, вынуждая поднять лицо. – Извинись перед Рагне.

На губах Сармата мелькнула тень улыбки. Он кивнул и покорно обернулся.

– Прости меня, Рагне!

– А теперь ты.

Но Рагне молчал.

– Ну же. – Княгиня снова нахмурилась. Её тонкая белая рука – на пальцах блестели кольца – лежала на взлохмаченной голове Сармата.

– Не буду, – желчно ответил Рагне, метнув на застывшего Ярхо умоляющий взгляд. Сармат неодобрительно зацокал языком.

– Ты плохо поступаешь, Рагне. – Ингерда обняла Сармата за плечи. – Сейчас же возьми и...

– Сармат сказал, что Хьялма скоро умрёт. Что Хьялма умрёт, а он станет князем вместо него, – выпалил Рагне, багровея до кончиков ушей.

У Хьялмы только усы начали расти, а он уже давно носил с собой платок – по белой ткани расплзались красные разводы. Хьялма кашлял кровью, и лекари говорили, что он выплёвывает кусочки своих лёгких. Рагне восхищался Хьялмой – несмотря на то, что и его пытался вызвать на бой, – и трясся от ярости при виде его лекарей. Каждый вечер они сжигали окровавленные платки Хьялмы и каждый вечер говорили, что старшему княжичу осталось не больше года.

Княгиня Ингерда убрала руку с плеча Сармата.

– Это правда? – сухо спросила она.

– Не совсем, – ответил Сармат и стрельнул глазами в Рагне. – Я сказал, что, если случится такое горе, мне *придётся* стать князем и...

– Врёшь! – крикнул Рагне. Он помнил, как смеялся Сармат и что обещал сделать с братьями, едва его благословят на княжение. Но знал, что в итоге мать поверит не ему, и от этого задохнулся от гнева.

Даже если Хьялма умрёт, второй после него – Ярхо. Рагне видел, как тот поднял тяжёлый колючий взгляд. Если бы Сармат не стоял рядом с матерью, Ярхо бы его ударил, и тогда от Сармата мало бы что осталось.

– Вот, матушка, – быстро улыбнулся Сармат, пригладив волосы. Он даже носил их так, как Хьялма, – распущенными, длиной по плечи, только одну прядь у виска заплетал в косицу. Перехватив взгляд Ярхо, мальчик отпрыгнул на полшага назад. – Видишь, матушка: я не сделал ничего дурного.

Но княгиня Ингерда уже слушала через слово. Она вновь повернула Сармата к себе лицом и взяла его пальцами за подбородок. И долго смотрела в безмятежно-весёлые глаза, словно пытаясь взглянуть в глубину за ними.

Рагне раскрыл рот, как выброшенная на берег рыба. Ему не давались слова. Сделал Сармат дурное, ещё как сделал! Показал, что хочет смерти Хьялмы. Что хочет переступить через Ярхо, не дать жизни Рагне...

– Никогда больше не говори об этом, – тихо произнесла Ингерда, и было в её словах ещё что-то кроме нежелания слушать о кончине Хьялмы. Что-то, заставившее Ярхо и на неё поднять свинцовый взгляд.

– Хорошо, матушка, – согласился Сармат. И с тех пор он действительно не говорил о своих намерениях. Только однажды запустил ход событий, завершившихся через одиннадцать лет ослеплением Ингола и взятием Криничских ворот. И поединком Сармата с Хьялмой, сумевшим пережить и этот год, и следующий: болезнь в нем будто заснула, а потом – потом пробудилась с новой силой.

– У меня пятеро сыновей, – продолжала княгиня Ингерда, не выпуская подбородка Сармата. – Нужно ли мне бояться, что вы причините друг другу зло?

Сармат всегда смотрел на мать с несвойственной ему нежностью.

– Вовсе нет, – звонко ответил он. – Тебе не нужно бояться.

И тогда он, конечно, солгал.

Малика Горбовна, гуратская княжна и драконья невеста, лежала на полу в длинном тереме. И терем пылал. По его стенам развернулись огненные полотнища, а потолок затянул горький дым. Малике казалось, что она даже ощущала жар, но не могла сдвинуться с места. Только лежала, видя меж танцующих языков падение Гурат-града. Вот горящие красно-золотые купола и плавящиеся каменные стены. Её отец-князь, высокий и черноволосый, с золотым венцом на челе: он сражался с Ярхо-предателем, но не смог его одолеть.

Малика различала мечи и стрелы, девок с подождёнными юбками, мужчин с раскрытыми горлами, и в её ушах стоял мучительный крик.

Она должна была погибнуть там. Вместе с отцом и своим древним городом. Но в который раз проснулась в чертоге, выложенном ослепительным лалом – дребезжаще-красным, похожим на застывшее в минерале пламя. На Малику смотрели безглазые лица, вырезанные из алой породы. Сотни масок, поднимающихся к верхним сводам, – в лаловом чертоге были искажённые яростью гримасы, но ни одного каменного воина.

Прежде чем Малика зажала себе рот ладонью, из груди вырвался всхлип.

Попав в Матерь-гору, она не позволяла себе плакать, даже не разрешала вспоминать пережитое. Княжна хотела разгневать и разбудить каменных воинов, пройти лабиринты палат, найти прислужников Сармата – все что угодно, лишь бы не думать о Гурате и об отце. Именно в таком порядке. Сначала Гурат-град, потом – отец, а отца Малика любила больше всех людей. Её гордый город неизмерим с человеческой жизнью. Малика была готова умереть множество раз – одна смерть страшнее другой, – но сохранить его. А если придётся, и принести в жертву других.

Княжна поднялась с пола, подобрав юбки. Она с раздражением заметила, что глаза влажны от слёз, и тут же вытерла их ладонью. Перекинула за плечо полурасплетённую косу и выпрямила спину. Малика увидела, что под самым страшным лицом появилась дверца – обычно так Матерь-гора выводила её в палаты, где стояли еда, сундуки с одеждой и бочка с водой. Но иногда всё появлялось в чертоге, где Малика спала, и ей по-прежнему не удавалось выяснить, кто это приносил.

Малика подошла к дверце, держась на расстоянии от стен – будто боялась обжечься. Она оказалась в комнате, показавшейся после ослепительных залов серой и тусклой, но на деле вытесанной из голубоватого апатита. И здесь, помимо звука собственных шагов, Малика слышала плач.

На бледно-зелёном со стеклянным блеском полу сидела девушка – чертог был небольшой, и Малика сразу её разглядела. Перед ней лежал ковш и стоял распахнутый сундук, из которого тянулись дорогие платья, нити жемчугов и драгоценных камней. Сама же девушка была одета в холстину. На пол рядом с ней стекала её сказочно длинная светлая коса.

– Ты кто такая? – властно сказала Малика. Девушка испуганно вздрогнула и повернула к ней заплаканное и не слишком красивое лицо – громоздкий подбородок, растёкшиеся веснушки и опухшие серо-зелёные глаза.

Пока она пыталась связать слова, Малика разглядела, что холстина на её животе была перечерчена кровавой лентой – Сармат поцарапал, но, похоже, не слишком сильно. Крестьянские руки девушки уродовали следы от верёвок. Когда Малика только попала в Матерь-гору, на ней было много ожогов. Мелкие подпалины, кажущиеся смешными по сравнению с тем, что дракон сотворил с Гуратом. От них сейчас почти ничего не осталось.

– Кригга, – выдавила девушка. Вздрогнули её короткие бесцветные ресницы.

Стук каблучков Малики эхом разнёсся по чертогу. Раздался скрип – Матерь-гора захлопнула открытую дверь.

– Значит, Кригга, – протянула княжна, подходя к девушке. На дверь она не обратила внимания – привыкла. – И откуда ты?

На коленях Кригги лежали расшитый перламутром венец и частично вытащенные из сундука одежды, к которым она и не мечтала прикоснуться. Малика хмыкнула: из всего, что предлагали ей самой, она взяла только платье, киноварно-красное с жёлтым – цвет Гурата. И брошь-сокола – символ рода. Но она не девочка в холстине и привыкла к богатству.

Кригга задержалась взглядом на броши. Потом посмотрела на лицо Малики – медовые волосы, чёрные брови, породистый нос.

– Из Вошты, – испуганно ответила она. И тут же добавила: – Это деревня недалеко от Гурат-гра...

– Знаю, – обрубил Малика, продолжая смотреть на девушку, сидевшую у её ног. Кригга передёрнула плечами. – И как же ты здесь оказалась? Тебя украл Сармат?

Когда княжна произнесла это имя, Кригга сглотнула.

– Меня отдала моя деревня.

Малика недобро сощурила глаза и чуть наклонила голову набок.

– Как это – отдала?

– В дань.

Княжна криво, нехорошо улыбнулась.

– Отдала, – повторила она, словно пробуя это слово на вкус. – Отдала в дань. – Малика медленно наклонилась, будто змея под музыку дудки. – Стоило отвернуться, и вы, черви, к нему на поклон пошли?

От презрения, сквозившего в её голосе, Кригга отшатнулась.

– Кто ты такая? – нахмурилась она наконец. – Назови себя.

Брошь в форме сокола, горбатый нос...

– Никакой гордости в этих людях. Никакой злобы. – Малика словно не расслышала и ещё сильнее сузила глаза. – Поэтому вы и умрёте как падаль. Или уже умерли? Скажи мне, Кригга из Вошты, Сармат оценил ваши дары?

– Я... я не знаю. – Последним, что видела Кригга, был дым над родной деревней. Но ведь Сармат унёс её в гору – значит ли это, что он принял дань? – Но не тебе нас упрекать. – Её голос стал твёрже, а Малика усмехнулась. – Ты из Гурат-града?

– Да.

– И чья ты дочь? Купеческая? Дворянская?

– Княжеская.

Кригга шумно выдохнула. Её пальцы задрожали.

– Да вы мне, псы, ноги целовать должны, – мягко произнесла Малика, – а ты говоришь, что я не могу вас упрекать.

На опухших щеках Кригги выступили пятна.

– Вы обещали защищать нас, но не сумели спасти даже себя. – Она сжала расшитый венец. – У вас были каменные стены и дружина, но вы всё равно сгорели. Как ты можешь требовать что-то от маленькой деревни там, где пал Гурат?

На мгновение Кригге показалось, что Малика её ударит. Но вместо этого княжна выпрямилась – и горланно расхохоталась.

– Дважды умирать не придётся, Кригга из Вошты. Можно погибнуть страшной смертью, но героем. А можно ползать на коленях в надежде вымолить ещё несколько лет. Каково это – пресмыкаться перед Сарматом? – Она прикрыла глаза. – Зачем же вас защищать? Сегодня – дракон, завтра – тукерские ханы. Вы всё равно предадите и будете трястись за свои шкуры.

Тут не выдержала даже спокойная пугливая Кригга.

– Нет для вас никакого «завтра», – шёпотом произнесла она. – Гурат-град сожжён. Его жители мертвы. Всё кончено.

Стоило ли оно того, Малика Горбовна?

В чертоге повисла леденящая густая тишина. Кригга почувствовала, как покрывается гусиной кожей. Красивая молодая женщина смотрела на неё страшными чёрными глазами.

– Нет, – отчеканила она. – Не кончено. Сколько лет твоему дракону? Тысяча? Гурат-граду больше двух тысяч лет, и за это время он не преклонялся ни перед кем. Он несколько раз был сожжён. В нём пировали ханы. Над ним поднимались алые стяги князей. Мы убивали царей Пустоши, разбойников, степных людоедов – убьём и крылатую тварь. Когда мой брат вернётся из изгнания, он...

Горные недра содрогнулись. От чудовищного подземного толчка задрожали стены, и Малика не удержалась на ногах. Она упала на пол, а жемчуга посыпались с коленей Кригги.

– Замолчи! – закричала Кригга и, отшвырнув венец, закрыла голову руками.

Апатитовые плиты продолжали трепетать. Волосы Малики окончательно расплелись и накрыли её лицо душной волной. Княжна случайно прокусила язык и почувствовала, как рот наполнился кровью. Кригга же билась словно в припадке: ждала что гора обрушится на них.

Дрожь прекратилась так же резко, как и началась.

Кригга разрыдалась, уткнувшись в колени. Под кожей на её шее проступили позвонки.

– Никогда, – всхлипнула она, – никогда больше не смей так говорить!

Малика не привыкла, что ей указывают. Откинув копну волос, она привстала на локтях и вытолкнула изо рта кровавый сгусток.

– Что ты несёшь? – сказала княжна и поморщилась, а Кригга отняла лицо от коленей.

– Это *Матерь-гора*, – прошептала она. – Матерь, понимаешь? Здесь нельзя так говорить о... о Сармате.

– О да. – Малика утирала окровавленные губы. Язык саднил. – Княгиня стала горой и заключила в себя своего любимого сына. Глупейшая сказка.

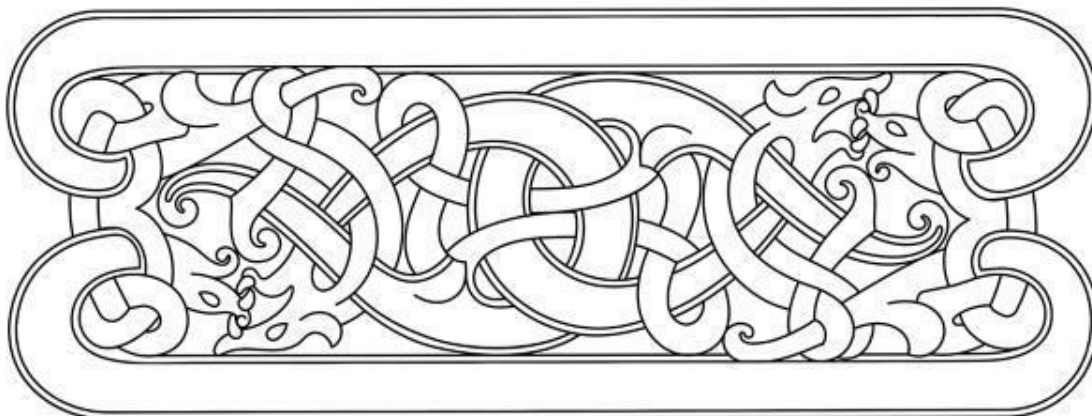
Но даже Малика не могла спорить с тем, что недра жили своей жизнью.

– Это не сказка, – прохрипела Кригга, закрывая глаза ладонями.

Над Матерь-горой висела красная оборотничья луна.

Зов крови III

Первый рёв, вырвавшийся из его глотки, рассыпался ошмётками звука. Эхо разнесло их по чертогу, оставив таять в полумгле. Второй рёв накрыл дребезжащий воздух, будто волна, а третий – нахлынул и заполнил всё без остатка. Дрожали стены и пол, о которые билась медно-красная чешуя, и от ударов чешуйки смещались, выворачиваясь с кровью.

Его крылья неестественно выгнулись, и кости прорвались наружу. Сошлись под неправильным углом – будто человек свёл лопатки. Обе лапы содрогнулись, а когти оставили на камне глубокие борозды. Стальные драконьи мышцы начали расплетаться, как ленты, и расплзаться в появляющиеся прорехи. Зубы старались закусить собственную морду – от нечеловеческой, бездонной боли.

Он смахнул лампаду, горящую ниже всех остальных, и жёлтый огонёк растёкся по его ломающемуся хребту. Пламя лампы было похоже на кляксу мёда, на каплю жидкого воска, но не обожгло его. Даже не сумело отвлечь. Золото расплылось по меди, вспыхнуло в наступающей темноте – и погасло. А драконьи кости продолжали выбиваться из суставов и рвать толстые слои чешуи и кожи.

Перевернувшись на спину, он взревел сильнее. Вымученно, чудовищно. Теперь он старался расцарапать не камень, а собственное брюхо, но не дотягивался ни задними лапами, ни распоротыми крыльями. И метался на полу исполинского чертога, оставляя под собой нити окровавленных, изломанных чешуек.

Хороша ли твоя доля, Сармат?

Луна над Матерь-горой вращалась в самоцветном небе.

Если сложить все легенды, то в них нашлась бы крупинка правды. Дракон обращался человеком в полнолуния – на одну ночь. В равноденствия и солнцевороты – на несколько суток. Драконье тело не боялось ни огня, ни железа, а человек был слаб. Поэтому перед летним солнцеворотом, когда чешуя спадала на самый долгий срок, Сармат убивал всех пленных, что жили в его чертогах почти год. Боялся, что рабы и жёны придумали, как его извести. И поэтому всё это время Сармата охранял его брат.

Каменный воин сидел перед входом в палаты, где дракон, клоча от боли, пытался соскрести наросты с головы. Царапался, стелился по полу. Ярхо-предатель знал, что дни и ночи, когда Сармат был человеком, тянулись долго. Длиннее, чем обычно. Это – колдовство Матерь-горы, её проклятие, словно княгиня хотела налюбоваться сыном, пока тот человек, а не чудовище. Но для Ярхо не существовало времени. И боли – тоже.

Его руки – серая горная порода. У него окаменели даже волосы, заплетённые в косу до основания широкой шеи. Где-то внутри, за прочной, будто гора, кольчугой и слоями породы год за годом не шевелилось сердце. Ярхо участвовал в сотнях битв, но его тело ни разу не кровоточило. Оно не знало усталости, а сам он не ведал ни страха, ни пощады. Только глаза у него были похожи на человеческие, но с матовым блеском, будто у изваяний, и зрачками,двигающимися чуть медленнее, чем у живых. Ярхо-предатель был силен и крепок, нетороплив, но умел отзываться на мельчайшие изменения вокруг него и оставался прочным щитом и смертоносным оружием.

Драконье горло Сармата издало оглушительный рык и лопнуло, будто по шву. Прореха сползла ниже, перечертила брюхо и оборвалась у гребнистого хвоста.

Под пудами развороченной кожи – на животе, мелко дрожа, – лежал обнажённый человек. Превращений не выдерживала ткань, но не металл. Поэтому, когда человек поднялся, звякнули золотые зажимы на его семи огненно-рыжих косах. В его правой ноздре блеснуло золотое кольцо.

Человек шёл к Ярхо, и его колени подгибались. Сухопарое, до сих пор трепещущее тело блестело в свете лампад. Он неловко переставлял ступни и осторожно шевелил пальцами, словно вставший с постели больной. Человек повёл сначала одним плечом, потом другим, стараясь привыкнуть к телу. Согнул локти, вспоминая, как отвечает ему слабая человеческая оболочка, как в жилке у сгиба бьётся кровь – ничего не стоит её выпустить. Затем человек глубоко вдохнул, ощущая себя от позвонков до ногтей, от живота до моргающих в полутьме глаз. Они видели хуже драконьих, и человек казался себе почти слепцом. Он взял лежащую у входа в палаты одежду, вдел ноги в порты, а руки – в расшитую узором рубаху. Затянул кушак пальцами, покрытыми у костяшек старыми ожогами. Поднял голову и, сощурившись, посмотрел на не шелохнувшегося Ярхо, державшего на коленях меч.

У Ярхо – широкие лоб и подбородок, выдающиеся скулы. Лицо же человека было уже и выражало множество чувств. Этого камень не умел. Человек, до сих пор перекошенный от боли, криво, но одновременно весело и жутко улыбнулся, обнажив просвет на месте одного клыка. У него были подпалённые брови и ресницы, несколько пятнышек ожогов на шее и хитрые глаза, в свете Матерь-горы похожие на тёмный агат с медовыми прожилками.

– Здравствуй, братец, – произнёс Сармат и, едва не завалившись от усталости, смахнул за спину одну из косиц. Улыбнулся ещё раз и, стиснув кулак, ударил в плечо Ярхо. Несильно, чтобы не повредить хрупкие человеческие пальцы.

Ярхо перевёл на него взгляд, но не ответил. И медленно поднялся. Он был выше Сармата на полголовы и куда мощнее и шире: мышцы – базальт и гранит.

– Как тебе Гурат-град? Великолепно, верно? – Наклонившись, Сармат обул сапоги из телячьей кожи, красные, с медными бляшками. И прошёл глубже в чертог, у которого его дожидался Ярхо. Чертог был меньше того, где осталась лежать драконья чешуя – Сармат снова срастётся с ней, когда придёт время. – Кажется, он совсем не изменился с тех пор, как мы ездили туда с отцом. Нет, изменился, конечно, разросся... – Язык Сармата слегка заплетался. Глаза продолжали моргать на неожиданно ярком свету. – Были ханы, а стали князья... Но всё равно это наш старый добрый Гурат.

Самый кровавый город. Город, построенный на костях.

Малый чертог был вырезан из тёмно-сливового минерала. Своды, куда ниже, чем в большинстве палат, подпирали колонны в виде извивающихся змей со сложенными на спине крыльями. Часть чешуи на них переливалась серебром, часть – платиной. В глазницах чернели огранённые обсидианы. Змеи распахивали пасти и выпускали раздвоенные гагатые языки.

Змеи, крылатые или бескрылые, умели шипеть, но не владели человеческой речью. Сармат всегда был словоохотлив и за дни, проведённые в драконьем теле, хотел наговориться всласть. Он хрустнул шеей и обвёл малый чертог неизменно прищуренным, не то пугающим,

не то задорным взглядом. В чертоге стоял принесённый каменными слугами стол, а на нём – еда. В отличие от Ярхо Сармат нуждался в пище – он поднял кувшин, в котором плескалось тёмное тягучее вино: в Матерь-горе оно хранилось в привезённых бочках и пахло дымом и дубом. Сармат захотел плеснуть его в золотой кубок – он любил золото, как и красивые дорогие вещи, – но отвыкшая рука дрогнула, и вино разлилось по столу.

– Ты сжёг деревню? – нехотя спросил Ярхо. Голос – скрежещущий, словно неживой.

Сармат вскинул подбородок, с любопытством разжал маленькие человеческие пальцы и почесал щетину на горле – а у окаменевшего Ярхо и намёка на бороду не было. Глянув на брата, Сармат задумчиво переставил кубок и расположился на выкованном княжеском троне.

– Я похож на того, от кого можно откупиться серебром и зерном? – неровно улыбнувшись, спросил он. – Конечно, сжёг. – Драконий нюх Сармата улавливал запахи зерна и серебра так же, как и мяса. – Но ты ведь не об этом, неболтливый братец? Да, я не просил добить выживших. И не попрошу, потому что это пустая трата времени, и лучше направить твоих тяжеловесных людей на что-нибудь... более стоящее. Деревня в дюжину дворов – если кто там и выжил, то мелкая скотинка, забившаяся в амбар. – Он лениво взмахнул рукой в ожогах. – И это даже смешно.

Сармат многое находил смешным. Мелкие деревни, одинокие хижины на склонах Княжьих гор – они для него ничего не стоили. И он не мог относиться к ним серьёзно. Сожжёт одну – вторая решит прибиться к своей столице или придумает, чем заплатить. Но иное дело – древний Гурат, как и любой защищённый город, пославший дракону вызов. Тридцать лет назад их было много, сейчас – почти не осталось, но каждый раз это заслуживало и внимания и сил. Сармат поднял со стола кривой тукерский кинжал, украшенный резьбой.

– Кажется, это от какого-то хана. – Он смахнул с лезвия капли пролитого вина и осмотрел его вязким, неспешным взглядом. Сармат так смотрел на всё. На присланное оружие, украшения, свои палаты.

На женщин.

Ярхо-предатель знал, что в Матерь-горе эта ночь будет длинной. А в соседних деревнях, тех, что остались, её назовут ночью драконьей свадьбы.

А за десятками топазовых, ясписовых и сапфировых залов от малого чертога драконья невеста случайно порвала ожерелье. Нить лопнула, и горсть жемчугов рассыпалась по апатитовым плитам. От стука Кригга побледнела и втянула голову в плечи, ожидая наказания – его не последовало. Будь она в деревне, её бы за такое оттащали за косу, но сейчас на неё не обрушилась ни Матерь-гора, ни дракон, чьё сокровище она испортила, ни драконьи слуги – каменные марлы и сувары. Даже Малика Горбовна не повернула головы, хотя жемчужины подпрыгивали и катились, отзываясь под сводами пугающим эхом.

Казалось, княжна забыла о существовании Кригги. Она словно выплеснула то, что накопила в дни молчания, и погрузилась в свои мысли. Гурат-град был для Малики как нарыв. Тронешь – болит, потревожишь – брызнет зловонной жижей, а потом затихнет, продолжая отдаваться внутри тупой ноющей болью. Кригге стало стыдно. Да она нагрубила княжне! Кто Кригга такая – растереть и забыть, – чтобы так разговаривать? Кто дал ей право рассуждать о будущем Гурата?

Она то и дело бросала на Малику взгляды – смесь смущения и любопытства. В их деревне жили весёлые и строптивые девушки, про которых бабка говорила, что придёт время – и мужья их укротят. Сама Кригга хотела быть на них похожей, да ведь это неправильно, не по ней. Но гуратская княжна – не деревенская гордячка. Осанка, взгляд, речь – Криггу это и восхищало и пугало. На вид Малике было лет двадцать пять: в деревне – старая дева. Но, похоже, княжна могла позволить себе долго не выходить замуж.

Кригга зарделась. Любопытно, а кто к ней сватался? Какие красавцы-князья, какие статные воины? Ведь обязательно сватались. Малика Горбовна – не девчонка из Вошты. К тому

же Кригга знала, что её младшего брата изгнали из Гурата. Значит, Малика стала бы великой княгиней – и правила бы. Жестоко, как и её отец, совершая ошибки, но так, чтобы дворяне трепетали, а слава Гурата звенела во всех краях. Для Кригги это было невероятно: её учили, что место женщины – за плечом мужа, но никак не на кровавом гуратском престоле. Кригга смотрела на Малику Горбовну, на её гордо поднятый нос, на чёрные глаза в обрамлении густых ресниц. И боялась встретиться с ней взглядом.

Кригга стеснялась мыться и переодеваться – она выбрала чудесное палевое платье. Его пышные рукава сужались к запястьям, а по центру, от ворота до подола, шли две широкие ленты вышитого узора: птицы и переплетения ветвей. Кригга чувствовала себя неуютно, пока перебирала серьги и кольца в сундуках, опасаясь, что княжна её высмеет. Но Малике Горбовне было всё равно.

Волна медовых волос небрежно рассыпалась по её плечам. Кригга успела разглядеть, что у корней они были чуть темнее, насыщеннее, а местами длинные пряди выгорели от солнца Пустоши. Завораживающее зрелище. Кригга терзалась смутными чувствами: ей хотелось и убраться подальше, и прикоснуться к княжне. Заплести её волосы в замысловатую косу. Может, даже надеть венец из закровов Сармата – нечто тяжёлое, с бронзой и цепями-ряснями. Тогда Малика стала бы вылитой княгиней с фресок на гуратских соборах: соколиный профиль, точёные черты.

Кригга глотнула воздуха и убрала в сундук порванное ожерелье. Поддавшись порыву, закрыла его яхонтовыми браслетами и юбкой голубого платья. Ей казалось, что ещё немного – и она лопнет, как жемчужная нить. От того, что заключена в толще горы и больше никогда не выйдет на поверхность. От того, что она видела дым над своей Воштой и, несмотря на то что старательно гнала мысль о расправе, всхлипывала время от времени. В неопиcуемой глубине Матерь-горы было просто страшно. И страшно было за мать и сестёр, за старую бабу, уже не поднимавшуюся с постели.

«Так будь что будет», – решила Кригга, стараясь выцарапать ужас из своего нутра. Злобный взгляд княжны – ничто по сравнению с этим.

– М-малика Горбовна, – запнувшись, позвала она. И княжна повернула голову в её сторону.

– Чего тебе? – Теперь в её голосе не было гнева. Только усталость и лёгкое раздражение.

Собрав волю в кулак, Кригга объяснила свою просьбу, а Малика ответила равнодушно:

– Заплетай. – Но Кригге показалось, княжна слегка смягчилась.

Подобрав нежный палевый подол, Кригга встала. У неё были ступни, большие для её возраста и худосочного телосложения, но она сумела найти в сундуке славные башмачки. Они стучали по плитам почти так же, как каблучки княжны. Кригга понимала, что волосы Малики Горбовны могут пахнуть только водой из недр Матерь-горы да дымом, но почти ощутила аромат мира, которым благословляли великих гуратских князей. Она знала, что князей помазывают миром, но не могла знать запаха.

Кригга заплетала волосы Малики, и это её и успокаивало, и разжигало новое любопытство. Княжна словно пришла из другого мира, мерцающего, как чрево Матерь-горы. Этот мир – многолетняя слава, древняя кровь и верные воины, которых воспоют в легендах. Это литые колокола на соборах, бьющие на княжеские рождение, свадьбу и смерть. Это величие, ладан и бархат, а не пряжа, коромысло и холстина. Не скот, который Кригге нужно кормить, и не сёстры, за которыми присматривать.

Криггу снова ужалила жуткая мысль о семье, и, не сдержавшись, она подала голос. Лишь бы не думать о горе. Лишь бы не бояться.

– Ты сказала, в нас нет злобы, – осторожно начала она, перетягивая косу алой лентой из сундука. – Но меня учили, что злоба не для женщин. Потому что их призвание – рожать и ласкать, а не ненавидеть.

Малика медленно погладила свою косу по всей длине. Кригга боялась, что княжна ей не ответит, но та задумчиво провела прокушенным языком по зубам – откуда Кригге было знать, что недавно она даже хотела разговорить старую вёльху?

– Ненависть – это сила, – прошелестела Малика. – Она разрушительнее любви и страха. Ты когда-нибудь встречала людей, вынужденных ненавидеть? У них внутри огонь – и не хуже драконьего.

– Он убивает их.

– Он даёт им мощь. А уж потом убивает. – Малика пожала плечами. – Если бы люди ненавидели Сармата больше, чем боялись, он бы давно был мёртв.

Бабка рассказывала Кригге много историй, и иногда в них встречались такие женщины, как Малика. Они растили сыновей для мести. Доставаясь завоевателям, резали их на ложе. Жгли дома тех, кто сгубил их род.

– Но вы же не только боитесь его. – Малика склонила голову. – Вы, жители деревень в Пустоши, называете себя княжскими людьми – такими, что живут в Гурате, Черногороде или в Волчьей Волини. Но вы слушали степные сказки о том, как велик Сарамат-змей. Ох как он могуч, как опасен. Вы прятали в своих подполах тукеров, когда те зарезали моего старшего брата. Мой отец не выжег вас только потому, что решил, будто это был честный бой. И как тукеры, вы боитесь Сармата – и восхищаетесь им. Это отвратительно раболепное чувство.

И в Горбовичах текла тукерская кровь – одна из их прародительниц была ханской дочерью. Но жили они, как и все в Гурат-граде, по заветам Княжьих гор, – степь меняла их быт, но не костяк. И Кригга застыла: для их деревни Сармат действительно был внушающим ужас, жестоким, но божеством.

– А разве им не стоит... – Она поздно спохватилась.

– Восхищаться? – зло усмехнулась княжна. – Черви откупились тобой. Ты была им сестрой и дочерью, а они швырнули тебя Сармату. Вот они, ваши страх и обожание. Приятно?

Нет.

– Это спасло мою деревню.

– Уверена?

Нет.

– Но даже если спасло, не мерзко ли принимать подачку от такого, – Малика скривилась, – существа? Ты, кажется, любишь легенды. Кем был Сармат?

Кригга, устроившись у стены, подтянула к груди колени.

– Княжым сыном. Тукеры говорят, что ханским. Но он обрёл великий дар.

– Он украл его. И пытался отнять власть у человека своего рода – а каждая власть от богов. Значит, он был мятежником и вором.

Кригга ждала, что Мать-гора содрогнётся, но этого не случилось. И тогда задумчиво наморщила светлые брови.

– Но ведь и твои предки захватывали власть. – Увидев, как изогнулись губы Малики, Кригга забеспокоилась: – Разве нет?

– Хан Багсар позвал моего праотца, жившего на юге Княжьих гор, править в Гурате. Он сам окропил его лоб миром и сам подал ему венец.

Гурат недаром считался кровавым городом. Хан Багсар прибегнул к помощи могущественного чужака, потому что опасался собственных братьев. Первый князь, который даже не был прямым предком Горбовичей, разбил тукерские орды, уничтожил приближённых к престолу изменников и отстроил Гурат ввысь и вширь.

– Мой праотец убил хана Багсара, когда тот задумал от него избавиться, чтобы получить богатый город и усмирённую степь.

Степь недолго была спокойна. Тукеры не приняли новую власть, и кровь щедро оросила Пустошь. Поэтому в тукерском языке «ксыр афат», княжьи люди, ещё означало «захватчики»,

«враги». И сейчас в глубине степи существовали особые ритуалы. На праздниках тукеры сворачивали головы соколам – символу нынешних правителей Гурат-града.

«Если такая власть от богов, то очень злых», – подумала Кригга. Злых и великих, потому что, что ни говори, предки Горбовичей сделали «город ослепительных ханов» жемчужиной Княжьих гор, оплотом прославленных князей. Словно услышав её мысли, Малика спросила:

– А был ли Сармат достойным правителем?

Нет. Весёлым и жестоким – да. А достойным, какую легенду ни возьми, не был. Но Кригга решила, что не её ума дело отзываться о венценосных, и промолчала.

В Матерь-горе даже тишина казалась звенящей, дробящейся о самоцветы. Кригге постоянно слышались какие-то звуки – не то далёкий, едва различимый рык, не то шарканье ног и стук капель. Шорох, шёпот, дыхание в минералах... Поэтому Кригга верила, что Матерь-гора – живое существо.

– Мне рассказывали, у Сармата множество чертогов с сокровищами, – проговорила Малика. Не столько для Кригги, сколько для себя. – Я давно плутаю в горе. Я видела десятки залов, но с золотом и кристаллами – ни одного.

– Зачем тебе золото? – Княжна брала из сундуков только самое необходимое, и Кригга даже побоялась предложить ей венец с гуратских фресок. Малика подняла чёрные глаза.

– Где золото, там Сармат.

В Кригге шевельнулся ещё один страх, который она отчаянно старалась подавить. Платье, кольца, башмачки – придёт время за это платить. Придёт время, и Кригга встретит дракона, и тогда её не спасёт никакая молитва. Человек он или чудовище, божество или вор – не столь важно. Все вызывает ужас до холодного озноба.

– Ты... ты не видела его? – Кригга тут же осеклась. Она могла бы и догадаться.

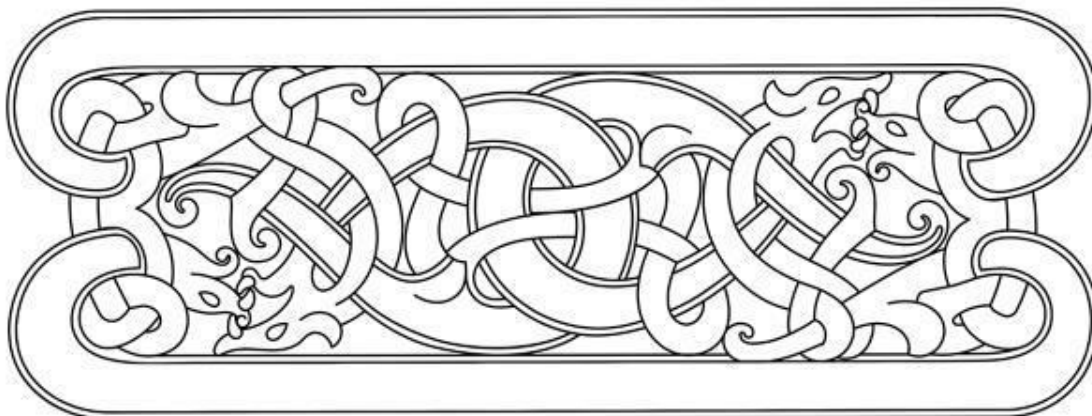
– Нет. – И в этом «нет» не было страха. Только показное, небрежное равнодушие и взлелеянная в груди ненависть.

Ярхо-предатель убил отца Малики на её глазах. Сармат сжёг её великий город. И если дракон действительно бывает человеком, так, как говорят деревенские сказки, несколько дней, ночь или час – пусть заклинает мать, чтобы этот год не стал для него роковым.

Матерь-гора словно расправила огромную каменную грудь и легонько вдохнула: с грубо обтёсанного потолка посыпалась крошка.

Хмель и мёд II

Жёлтый лист сорвался с дерева и, кружась, плавно опустился на воду. Лутый небрежно отбросил его и запустил ладони в бочонок. Вода была студеная, речная, и Лутый так растирал лицо, что его уши и щёки покраснели. Судорожно выдохнув, он снова сложил руки чашечкой и плеснул на волосы. Капли потекли по шее и плечам в желтоватых крошках веснушек. Лутый, конечно, купался в реках вместе со всеми, но лицо мыл, только когда оставался один: нужно было снимать повязку.

– А, ты здесь, парень. – Орkki Лис подошёл к нему – жухлая трава похрустывала под потёртыми сапогами – и хлопнул ладонью по обнажённой спине. – Поторопись. Тойву ворчит, что солнце поднялось, а мы ещё не двинулись с места.

Лутый выпрямился, и вода побежала вдоль позвоночника. Взял подвешенную у пояса широкую повязку, осторожно расправил и закрыл почти всю левую половину лица. И только потом обернулся.

– Батенька, – улыбнулся он, тряхнув мокрой головой. – Ну не оставят же меня, правда?

Орkki Лис цокнул языком, выражая сомнение, и прошёл вперёд. Будто невзначай, опёрся о край бочонка и приблизился к уху Лутого:

– Разговор есть.

Лутый склонил голову, показывая, что слушает. Его правый глаз блеснул, как начищенная золотая монета. Орkki отодвинулся и взглянул в другую сторону.

– Тойву делает вид, что с бабой и словом не обмолвился. Отмалчивается, словно и не уходил шептаться – при всех нас. Хорош, нечего сказать.

– Шептались о драконьей невесте, – в тон ответил Лутый и поднял сброшенное под дерево льняное полотенце. – Глаз не дам, но зуб – пожалуйста.

О ком женщина откажется говорить при дюжине мужчин? Либо о себе, либо о другой женщине. Но Совьон едва ли резко потянуло на откровения, да и Тойву сейчас заботила лишь драконья невеста. Больше, чем собственная жена и все черногородские красавицы.

– Совьон сообщила что-то важное.

– Ну спасибо, – хмыкнул Орkki, а Лутый, вытершись, перекинул полотенце через шею и улыбнулся ещё шире. – Не скалозубь. Из Тойву об их делах ни звука не вытащишь. Совьон и подавно ничего не расскажет... мне-то точно. – Лутый кивнул. – Покрутись рядом с ней.

– Хорошо, батенька. – Лутый покорно склонил голову, а Орkki Лис отвесил ему неощутимый подзатыльник.

– Что за манера разговаривать? – возмутился он, но глаза стали довольными, словно у сытого кота. Орkki был старше Лутого на семнадцать лет и не отказался бы от такого сына, как он. Резвого. Внимательного. Хитрого. Тем более что своих детей у него не было.

– Прости, батенька, – вздохнул Лутый и собрался уходить, но Орkki преградил ему путь. – А разве Тойву не ворчит, что...

– Тойву подождёт. – Голос понизился до шёпота. В дороге редко находилась возможность поговорить без лишних ушей, поэтому Совьон и ловила предводителя у походного костра, а Орkki Лутого – у бочонка с водой. – Драконья невеста...

Лутый – задорный, улыбчивый парень, но любое упоминание о цели их путешествия заставляло его хмуриться и играть желваками. Сбросив наваждение, он потёр выемку под носом.

– Она слепая, – продолжил Орkki. – Странная. И, на мой взгляд, не слишком красивая. Я хотел просить тебя... найти кого-нибудь другого. Наш путь не лежит через деревни, но ты ведь изловчишься, Лутый?

– Не надо, – бесцветно ответил он и, словно говорил не с Орkki, посмотрел на синеющие впереди ели и кружащих над ними сорок. На палатку, скрывающую двух мужчин от посторонних глаз.

– Не надо? Ну, как знаешь.

Пастушью дочь это не спасёт, но вдобавок погубит какую-нибудь деревенскую девушку. И если за одну невесту их приданого хватит с лихвой, то за двух оно уже не будет выглядеть богатством, достойным величайшего из правителей. Хотя некоторые княжества, такие, как Волчьеволинское, отправляли Сармату по нескольку девиц, правда, редко. Раз в пять-семь лет. Но им хорошо – они сидели глубоко на севере.

– Уверен, что бельмяноглазая калека лучше весёлых дочерей кузнецов и сапожников? – мягко спросил Орkki Лис.

Отряду нужно всего лишь довести дань до Матерь-горы, а Лутому с драконьей невестой дорога дальше, в недра. Лутый неосознанно потянулся к собственному горлу – через три месяца его пережмут широким рабским ошейником. Таким, как у Хавторы из Пустоши.

Сам вызвался. Не заставляли ни князь, ни дружинники. Кому, как не хитрому, юркому, весёлому Лутому, взять на себя эту роль? За свою жизнь он притворялся подмастерьем, лавочником, бродячим дудочником, сыном охотника и побочным отпрыском деревенского головы. Он лгал, извивался, смеялся, выкручивался, слонялся по Княжьим горам вместе с такими же оборванцами. А сейчас он выставит себя рабом, отправленным в дань Сармату-дракону. И будет делать то, что умеет лучше всего: наблюдать.

Орkki Лис верил в приметы и духов, но высмеивал саму мысль, что Сармат некогда был человеком. Тойву, второй и последний из отряда, кто знал о намерениях Лутого, предпочитал отмалчиваться. Скали захлёбывался ядовитой слюной, доказывая, что в Матерь-горе обитает оборотень. И некому было рассказать, как оно на самом деле. Лутый расскажет. Лутый выберется из Матерь-горы, но перед этим отыщет слабые места Сармата. И хоть бы, боги, хоть бы всё получилось!..

Лутый старался видеть мир глубже и ярче, чем другие. Он не считал Рацлаву-невесту писаной красавицей – да и понятие красоты было для Лутого необъятным. Но ему казалось, что она – сотканное полотно. Бельма, полнота, не очень густые тёмно-русые косы до лопаток. Молочно-белая кожа, красневшая и лопавшаяся на морозе. Перевязанные ладони, соболиные брови, прямой нос с широкими ноздрями. Плавные, ленивые движения и, конечно, свирель. Драконья невеста не красива и не уродлива: она такая, какой должна быть. И если дать ей зрение, тонкий стан или волосы до бёдер, её образ рассыплется, будто треснувший хрусталь.

А ещё есть в её свирели то, что заставило Совьон перешёптываться с Тойву. И если – когда, это лишь вопрос времени, – Лутый выяснит, что именно, если драконья невеста сможет

ему не то что помочь, хотя бы не мешать, – зачем ему красть пугливых, миловидных, обманчиво-храбрых и глуповато-заносчивых девушек?

– Хорошо, парень, – согласился Орkki. Он понимал, что от этого решения зависит жизнь Лутого, и не настаивал. – Делай как считаешь нужным.

Он поскрёб щеку, испещрённую бороздками морщин – их у Орkki было не в пример больше, чем у Тойву, хотя предводитель был младше всего на год. Под одним из карих глаз пролегла складка, а пальцы начали привычно поглаживать остроконечную пшеничную бородку. Лутый хорош. Лутый ему как сын. Тяжело его отпускать.

Орkki Лис махнул рукой, развернулся и пошёл к своему коню. По жухлой траве закрипели потёртые сапоги.

Все. Кончился лёгкий путь. За их спинами высился синий хвойный лес, а реки делали поворот к югу – оставалось лишь пересечь бурный Русалочий поток. Тёмная с голубым высверком вода, а над ней – лёд, распавшийся на тающие плёнки. Граница Черногородского княжества – дальше начинались чужие владения. Русалочья река была глубокая и быстрая, вброд не перейти. И даже не переплыть: говорили, на дне спали белокожие утопленницы, выбирающиеся на берег, чтобы погреться под луной и увлечь пригожих деревенских парней на мягкое ложе из водорослей.

Сильные пальцы Совьон запутались в чёрной гриве Жениха. Исполинская грудь коня колыхалась, а из прогалин ноздрей вылетал горячий воздух. Верный, грозный вороной: он чувствовал этот сладковато-гнилостный запах, смешанный с тиной и шелестом камышей.

Прежде чем пересечь реку по деревянному мосту и покинуть княжество, суеверный Орkki Лис спешился и припал к идолу, поставленному почти у самой воды. Вырезанный из потемневшего дерева Римеке, божок-хранитель, ростом был человеку по колено. Уходящие обмазывали сажей его искажённое личико и втыкали в землю ветки можжевельника и ежевики. «А девушке ты, значит, попрощаться не давал», – подумала Совьон. Но весь отряд мало интересовала судьба драконьей невесты. Довезти бы – и довольно. А вот их будущее... Воины наблюдали за Орkki Лисом, опустившимся на колено и державшим головёшку из костра. Он сделал всё как надо, оставил можжевельник и ежевику и, поднявшись, отряхнул руки.

– Едем.

Сказать им? Предупредить, что первый, кто окажется на том берегу, первым и умрёт?

Совьон знала, что ничего не скажет. Это её ноша. Порой ей открывались чужие судьбы, и она никогда не видела ни богатств, ни радости, ни любви. Только смерть. Первым на мост въехал Тойву – как глава отряда, и за ним медленно потянулись остальные. Совьон прикрыла глаза, а ворон на её плече закаркал и захлопал крыльями. Орkki Лис, державшийся позади Тойву, резко обернулся и прищурился.

Совьон замыкала шествие и стояла ещё у самого синего ельника. Не потому, что хотела, – Тойву приказал. А может, послушаться? Ударить Жениха в бархатные воронье бока и первой, в десяток могучих прыжков оказаться на том берегу? Нет. Совьон чувствовала, что у Русалочьей реки бродит не её смерть. А значит, нельзя.

Неужели Тойву?..

Скали, молодой человек, которого болезнь точила изнутри, тоже ехал по мосту, но не рвался вперёд. Он пропустил прихвостня Оркки Лиса и замер. Выглянул за разбухшие перила – на тёмную воду, лижущую берега. Мост был достаточно широк, чтобы Скали никому не помешал.

– Блажь, – бросил он. Не то всем, не то прихвостню Оркки. Совьон знала, что тот называет себя Лутым, но это – не имя. – Да кто поверит, что здесь водятся русалки? Бабий трёп, – и скривился от омерзения. Скали опасался оборотней, а про русалок говорил так потому, что они женщины или когда-то ими были.

Конечно, трёп. Но если Совьон снова закроет глаза, то увидит тонкие девичьи ноги под мутной водой. Колышущиеся водоросли, пятна тлена, оборванные исподние рубахи. Ил, вплетённый в косы, рыбы стайки под ключицами. Острые зубы, остатки губ.

У седого Крумра была смирная светлая кобылка, но на мосту через Русалочью реку она неожиданно понесла. Старик, охнув, перехватил поводья всё ещё крепкой рукой – и не сумел её удержать. Кобылка, вдохнув запах тины, испуганно заржала, забилась и, оттолкнув остановившегося коня Скали – ответом была жуткая ругань, – поторопилась к земле. Она обогнала коней Тойву и Оркки Лиса и, перемахнув через последние доски, перенесла хозяина на противоположный берег.

– Стой, дура! – Крумр натянул удила. Седые пряди хлестнули его по сильной спине. – Стой!

Светлая кобылка заржала ещё раз – жалобно и тихо. И остановилась, принявшись тревожно перебирать ногами.

– Ох, братцы, ну и дела. – Крумр вытер лоб медвежьей ладонью и облегчённо засмеялся.

Когда переправляли повозку драконьей невесты, за Крумром стояла уже половина отряда. Мост рубили под телеги, и поэтому Тойву не выпустил ни Рацлаву, ни рабыню. Скрипели колёса с запутавшимися в них веточками лесной герани, им вторил мост. Совьон видела, как рука отдернула занавеску и Рацлава выглянула наружу. Жадно втянула приречный воздух, подпёрла кулаком белый с ссадиной подбородок. Сегодня Хавтора одела Рацлаву в платье – красивое, но куда более простое, чем в первый день, и Совьон зацепилась за него взглядом.

У каждого человека имелись мелочи, открывающие его, будто свиток. У Тойву – сделанный женой оберег, у Оркки Лиса – потёртые сапоги с давней историей, о которой Совьон могла только догадываться. У его прихвостня – повязка на глазу и стебель дикого хмеля, иногда заложенный за ухо. Без сомнений, у драконьей невесты это – свирель, но было и что-то кроме. Совьон настороженно всматривалась. Она ведь почти поняла, почти...

Рукава. Длинные рукава, ниспадающие если не до земли, то хотя бы ниже бёдер. Ходила как-то по деревням сказка о юной колдунье: взмахнёт одним рукавом – выльется озеро, взмахнёт другим – прорастёт дерево, а внутри его – меч-кладенец. Совьон чуть откинулась назад. Ах, вот что. Она привыкла доверять своим чувствам и, разобравшись, удовлетворённо выдохнула.

Но Рацлава заставляла вспомнить и другие сказки...

Жил в одном княжестве юноша. И он не был ни красив, ни силен, но стоило ему забить в барабан, не то где-то найденный, не то доставшийся в наследство, как люди рядом с ним теряли разум и набрасывались друг на друга. Юноша хохотал и, играя на барабанах, раздувал распри и войны.

Одному тукерскому хану подарили рабыню. Девушка была хромой, но когда танцевала, браслеты на её запястьях и лодыжках издавали чистый, ни с чем не сравнимый звон. Суровый хан тут же полюбил хромую танцовщицу и сделал её своей ханшей.

Но сначала была, конечно, великая женщина, горная колдунья. Время не пощадило её имени, зато своим прозвищем – Певунья Камня – она назвала всех, кто появился после. Голос Певуньи Камня мог повторить любой звук в мире – трель соловья, рокот волн или гром. Она пела прекрасно и неповторимо, так, словно снимала кожу. Лоскут за лоскутом обнажала душу и управляла человеческой волей. Подчиняла ветры и пламя, моря, и, если она пела, даже камень не мог остаться равнодушным – так и появилось прозвище.

Все певцы камня были отмечены бессмертным даром, и в историях про них часто упоминалась кровь. Соперница хромой танцовщицы украла её браслеты, желая сплясать в них и вернуть любовь господина. Но браслеты размолотили её руки и ноги. Купец, наслышанный о волшебном барабане, заполучил его обманом, а пытаясь сыграть, изрезал и переломал все пальцы.

Совьон знала, что дар всегда оставлял следы. Она чувствовала его, как ворон – вкус смерти. Спящая сила клочкотала в жилах, пенила воздух, но Рацлава-невеста была совершенно бездарна. Она – это бесталанная соперница танцовщицы, хитрый купец и десятки других, не отмеченных богами. Тех, кто завидовал умельцам и восхищался ими.

Тойву спросил, кто Рацлава такая, и Совьон нашла ответ. Самозваная певунья камня, которая выменивала на музыку собственные боль и кровь. Кому бы ни принадлежала костяная свирель, она отвергала Рацлаву. Но Рацлава продолжала играть. Её ладони – словно перепавшее поле. Совьон видела, что она с трудом держала чарку и роняла ложку. Сколько у неё было вывернутых суставов и порванных жил? Сколько ещё будет? Не то чтобы Совьон переживала: ей лишь следует знать, на что способны искалеченные, но упрямые руки.

Последняя телега переехала через реку, и Совьон легонько стегнула Жениха. Конь ответил утробным горячим рокотом и взлетел на мост. Погарцевал на старых досках, пока Совьон оглядывалась напоследок, – иссиня-тёмный лес окутал туман, а над верхушками елей кружили сороки. Совьон ехала степенно, но быстро, и, не удержавшись, тоже посмотрела на воду. Под мостом медленно проплывали водоросли и осколки тающих льдинок. А глубже лежало девичье лицо – и озорно усмехалось замыкавшей отряд воительнице. Косы русалки взбухли, мутные глаза не мигали, а из тронутого тленом рта выбегали пузырьки: она смеялась.

Совьон и бровью не повела, но мысленно скривилась, а ворон защёлкал у её уха. «Рехнулась, дура. Солнце ещё не село, так куда вылезла?» Совьон повернула голову, удостоверившись, что воины перед ней ехали достаточно далеко. А русалка прильнула к самой поверхности, и теперь вода с трудом закрывала кончик её курносого носа. Девушка смотрела на Совьон с большим любопытством, чем та на неё, – недаром русалка решила показаться.

«Идём к нам, – будто хотела сказать она. – Поиграй, поиграй с нами, грозная, суровая В...»

Если бы Совьон сделала резкий жест, русалка бы с хохотом скользнула обратно на дно. Дразнящие, пугливые, глупые твари. Но воительница посчитала, что может привлечь ненужное внимание. Она села прямо и хлопнула Жениха по шее – конь подёргивал мордой, пытаясь отыскать источник сладковато-гнилостного запаха. Если дать ему волю, он бросится с моста и разорвёт нескольких русалок огромными челюстями. А потом оставшиеся его утопят.

– Ну же, – сухо проговорила Совьон, и Жених, издав новый рокот, подчинился. Он отвернулся от реки, чтобы отвезти хозяйку на противоположный берег, а русалка вдруг подняла лицо из воды – и закричала.

Она пыталась вывести её из себя, развеяться вместе с сёстрами, коротающими век на илистом дне. Совьон стиснула зубы, а крик разнёсся над рекой, заставив кровь загустеть в жилах, а ворона – взмыть с плеча в небо.

– Что это? – рывкнул Оркки Лис. – Что это было?

Его прихвостень сощурил единственный глаз и чуть наклонился вбок, перехватив поводья. Драконья невеста вцепилась в занавеску перевязанными пальцами, а воины беспокойно оглянулись. Их руки потянулись к оружию.

– Ветер, – сказала Совьон и заставила Жениха сойти на землю.

Скали натянул удила с такой силой, что его конь взвыл.

– Надо посмотреть.

– Нет, – проскрежетала воительница, хлестнув вороного и преграждая вход на мост. – Не надо.

Многих забирала Русалочья река, коварством заставляя вернуться, чтобы больше уже не отпустить. У переправы повисло угрюмое молчание, которое нарушали лишь плеск воды да шелест камышей и хруст осоки. Даже Тойву не выдержал и потянулся к берегу на шее, стиснул его вспотевшей ладонью и хмуро посмотрел на Совьон. На грозного коня под ней, на взлетевшего ворона. И на её синий полумесяц, будто налившийся приречной тенью.

– В путь, – обронил он. И, видя, что воины неохотно отходят от моста, гаркнул: – Шевелитесь!

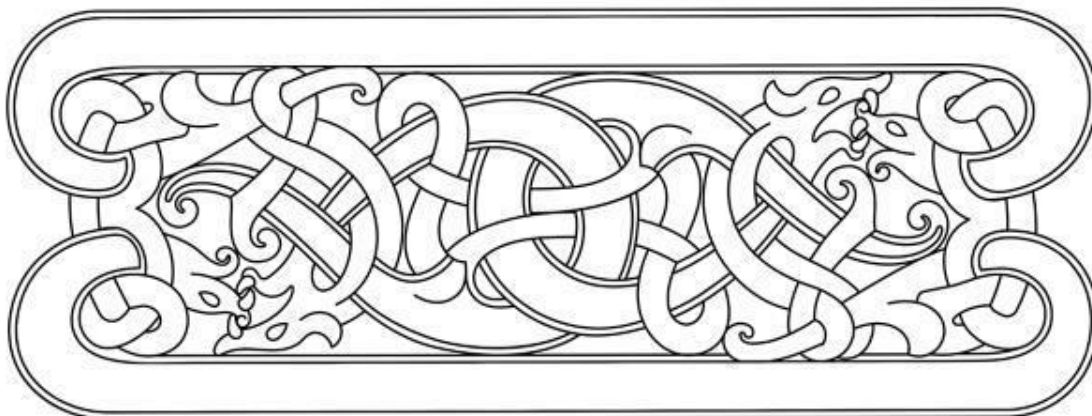
На ночь они остановятся ниже по долине, врезающейся в скалистое предгорье. А утром недосчитаются седого Крумра – часовые расскажут, как он, едва не затеяв драку, взял смирную кобылку и поехал на юг от лагеря, к болотам, в которых терялась Русалочья река. Совьон знала, что Крумру почудилось, будто так кричала его дочь Халетта. Что ночью он будет словно пьян или болен, и русалки уволочут его тело туда, где вода быстрее. Зацелуют-обглодают глазницы, вплетут цветы в седые волосы, затянут косы вокруг шеи. Рыбы поселятся в его рёбрах, а водоросли опутают грудину.

Совьон срежет у себя тонкую прядь и подожжёт её у рассветного костерка, пока никто не видит.

Первый.

Топор со стола I

Волчья Волянь встретила их промозглыми ветрами и холодным светом путеводных огней. Волны пенились и били в борта корабля, длинного и узкого, с высоко поднятыми носом и кормой. Давно в Волчьей Воляни не видели такого: на парусе был вышит сокол. У берегов города, высившегося над Дымным морем, Хортим Горбович наконец-то приказал поднять парус: корабль ещё подходил к Воляни, а со смотровых башен всё наверняка уже разглядели. И теперь в Волчьем доме ждали прибытия гуратского княжича-изгнанника. Того, кому запретили появляться под родовым знаменем, – Мстивой Войлич это, конечно, понимал.

Он понимал слишком много, волчьеволянский князь. Отец княжича Хортима ненавидел Мстивоя и не воевал с ним открыто только потому, что Гурат-град находился слишком далеко. К северу от Волчьей Воляни лежали лишь маленькие поселения айхов-высокогорников – их жители спали в юртах, одевались в меха и прославляли своих шаманов-оборотней. А севернее айхов – одни остекленевшие от мороза пики, по легендам, скрывавшие за собой драконов. Таких, каким Сармат и в подмётки не годился. Через все Князьи горы от восточной Воляни креп Черногород – самое северное княжество запада, которое здесь, среди камней и моря, считали цветущим югом.

Гребцы Хортима Горбовича налегли на вёсла. Волны продолжили бить в борта с повешенными на них щитами – их повернули небоевой, впалой стороной.

«Я пришёл с миром, князь Мстивой, – подумал Хортим и выдохнул белесую дымку. – Не откажи мне».

Хортим знал, что Волчья Волянь великая и древняя. Но когда рассмотрел её вблизи, сжал кулаки, чтобы не издать ни звука, – от восхищения. Он многое видел за годы изгнания, но такого – ни разу. Это время заставило его огрубеть и заматереть, но, похоже, в нём до сих пор остались слабые отголоски мальчишества. Хортим Горбович задушил их одним усилием. Всё же ни город, ни его князь не сулили ничего хорошего.

Волчью Волянь словно вытесал небесный ваятель – из горы выступали её огромные грузные башни. Она лежала будто на круглом блюде: позади – хребет, впереди – Дымное море, никогда не замерзающее до конца. Волянским судоходам не было равных, и если летом, весной и ранней осенью к северным берегам приставали купеческие корабли, выменивающие пушнину, рыбу и жемчуг, то зимой только волянцы, из города или с округи, могли совладать с потоками плавающих льдин. Хортим Горбович пришёл в сентябре, но воины на вёслах и проверенный кормчий едва справлялись. Княжич, как и обычно, грёб наравне со всеми, но когда корабль приблизился к исполинским воротам, встал на нос. И рядом – его воевода.

Раньше Фасольд был воеводой гуратского князя, отца Хортима. Кузнечий сын, выросший далеко от Пустоши, – именно его гордый и крутой нравом князь долгое время считал своей правой рукой. Он изгнал Фасольда не за дела Хортима, а за собственную ошибку, и с тех пор воевода служил юному княжичу. Больше всего Фасольд напоминал Хортиму медведя: крупный, хмурый, с широкой грудью, поросшей седым волосом, хотя Фасольду было немногим больше пятидесяти. Волосы на голове, обрезанные ниже челюстей и тоже полностью седые, у него не то вились, не то лохматились. Кустистые брови сходились над неприветливыми сероголубыми глазами. В когда-то разорванном и криво сросшемся ухе висела маленькая серебряная серьга.

– Мстивой Войлич – мерзкий человек, – угрюмо проговорил Фасольд и стиснул обух верного топора. – Не говори потом, что я не предупреждал тебя... княжич.

Ему будет тяжело назвать юнца князем, а ведь теперь Гурат-град сожжён и Кивр Горбович, его правитель, мёртв. Фасольд посмотрел на повернутую к нему часть лица Хортима: породистый горбатый нос, чёрный глаз под чёрной же бровью, густые, почти девичьи ресницы и тоже густые и чёрные волосы, размётанные по плечам и перехваченные у лба тесьмой. Но Хортим не был красив. За время изгнания он осунулся, а ветры словно выдубили его черты: выемки щёк, ранние морщинки в складках век, в уголках губ. И, когда он повернулся к воеводе, Фасольд снова увидел взбухший малиновый ожог под его правой скулой, стекающий сначала на подбородок и шею, потом – на руку и, Фасольд знал это, на бок под одеждой.

Единственная встреча Сармата с княжичем, случившаяся пару лет назад, закончилась плохо.

– Хватит об этом, – сказал Хортим тихо, но решительно. Корабль шёл в исполинские, уходящие под воду ворота, и люди на боковых пристанях встречали его взглядами. – Держи себя в руках.

Воевода не терпел, когда ему указывал мальчишка. Фасольд – муж и воин, он грабил тукерские шатры, резал, жёг и насиловал, когда Хортима и на свете не было. Но тот, пусть и разменял только девятнадцатую осень и, как и все, сидел на вёслах, не позволял забывать, кто здесь власть. Фасольд помог Хортиму добыть корабль и привёл своих людей, тех немногих, что ушли за воеводой. Не потому, что Фасольда любили, – раньше его душегубам жилось прилично, а теперь Кивр Горбович спустил бы с них по три шкуры. (Фасольд осклабился: «И тебя взяла могила, гордый гуратский князь. Бывший соратник. Злейший враг».) Но сердцем отряда оставалась Соколя дюжина Хортима. Отчаянные парни, горячие головы, самому старшему из которых не было и двадцати пяти. Они слушались княжича беспрекословно, хотя тот не слыл сильным воином и редко позволял пускаться в набег. Соколя дюжина – половина от того, что привёл Фасольд, но Хортим ценил её вчетверо больше.

Корабль причалил к Волынской пристани. В морозном воздухе заливались колокола и застывали крики людей и чаек, шумел порт: десятки рабочих разгружали трюмы. Они сновали по мостам из тёмного северного дерева, несли мешки с зерном, бочки с рыбой и пивом, свёртки тканей. Дальше от побережья начинался рынок – длинные торговые ряды, обрывающиеся у вторых ворот, поменьше, но с двумя железными волчьими головами.

– Неплохо у них тут, – заметил Арха, становясь по правую руку от Хортима.

Арха – один из Соколей дюжины, ближайший друг княжича. Его бешеный и игривый, но покорный пёс. В своё время гуратское солнце не щадило Арху: из его кожи и прозрачных, как стеклянные струны, волос, заплетённых в косу, кажется, вытекла вся краска. Серые глаза имели красноватый оттенок, в них лопались сосуды, а на кусочке шеи и пальцах бугрились зажившие ожоги – Арха вытаскивал господина из-под Сарматова огня. – Если ничего и не добьёмся, то хотя бы поедим.

Хортим с горечью осознал, насколько его люди устали. Арха пытался развеселить его, но невольно натолкнул на мысль, насколько они измотаны и голодны. Случись что, Мстивой Войлич раздавит их одним мизинцем.

Корабль уже встречали. Не успел Хортим по подогнанной дощечке спуститься на землю, как к нему приблизился глава небольшого, но вооружённого отряда. У человека были кудрявые, светлые в рыжину волосы, шапка, подбитая соболиным мехом, и богатый кафтан, но главное – меч в ножнах.

Хортим откашлялся:

– Мир Волчьей Волини. Я – гуратский княжич Хортим Горбович. – (Как будто они не знали!) – А это мои люди. Мы пришли к вашему господину.

Человек, крепкий и молодой, лет тридцати, почесал рыжеватую бороду. Обманчиво ослабленный жест – его светлые глаза не мигали.

– Мир и тебе, княжич, – сказал он. – Меня зовут Тужир, и я кметь князя Мстивоя. Позволь провести тебя к нему.

В Княжьих горах было довольно княжеств и их столиц, но три из них – кряжистый Черногород, ослепительный Гурат и холодная Волинь – разительно отличались друг от друга. Запад, юг и северо-восток: быт, некоторые обычаи, имена – в Черногороде они зачастую были хлёсткие, похожие на бесснежную зиму, в Гурате – певучие и звонкие, в Волини – более мягкие, восточные.

За вторыми воротами, с волчьими головами, открывался вид на крепость Мстивоя Войлича. Она была такая же круглая, как и весь город, окольцованная каменными стенами, за которыми стояли дома, напоминающие перевёрнутые корабли, – в них жили воины, ходившие со Мстивоем в походы. А по центру, будто маленькая гора, высился сам Волчий дом. В нём по случаю прибытия гостей собрали пир. Этот обычай чтили везде, будь то Черногород или Гурат-град: никто не говорил о делах сразу. Сделать это – оскорбить хозяина и покрыть себя позором. Сейчас Хортиму меньше всего хотелось веселиться, но порядки не обсуждаются.

Мстивой Войлич умел быть щедрым. Его слуги накрыли длинные столы, ломящиеся от еды и напитков, его музыканты начали играть, а его соратники приветствовали гостей. Когда Хортим с людьми зашёл, князь Мстивой поднялся с места и радушно развёл руки. На указательном пальце холодно блеснул перстень в виде волчьего черепа. Хортим видел Мстивоя впервые, но догадывался, чего стоит ожидать. Отец ненавидел его – а он мог ненавидеть только по меньшей мере равного себе.

– Хортим Горбович со своей бравой дружиной, – промурлыкал Мстивой, а Фасольд скрипнул зубами. – Не откажешься быть моим гостем?

Как он мог отказать?

Мстивой Войлич был высок и, пожалуй, красив – вождь, переживший множество схваток и готовый вынести ещё больше. Грива медовых волос стелилась по плечам – когда он вёл головой, из-под прядей показывались единичные тоненькие косички, пережатые серебряными кольцами. Синие глаза, мягкая, отливающая медовым золотом борода. Княжича-изгнанника Мстивой посадил за свой стол, там же сидела его молодая княгиня – четвёртая жена, и никто не знал, что действительно случилось с предыдущими. У княгини была толстая коса цвета льна, убранная под венец с белым платком, кожа, как лебяжий пух, и тонкие шея и руки. Настоящая волинская красавица, светлая и нежная. В Гурат-граде ценили других женщин – таких, как старшая сестра Хортима, чернобровая и вспыльчивая Малика.

«Боги от такой сохрани», – подумал Хортим и осушил кубок.

Мстивой собрал добрый пир. Рабы подносили мясо и хлеб, а дочери воинов наливали пиво. Тужир, княжеский кметь с пугающим взглядом, плясал, перекидывая остро наточенные ножи так искусно, что сравниться с ним смог разве что Арха, да и тот оступился и распорол себе ладонь. Под музыку танцевала гибкая юная невольница – её привезли в Волинь издалека.

Кожа у неё была золотисто-смуглая, а брови – чёрные, будто угольные. Несмотря на то что она травами выкрасила себе волосы в светлый, грязно-песочный цвет, никто на севере не считал её красивой. И всё равно любовались тем, как она, стройная и узкая, кружилась в перезвоне струн.

Фасольд уже был довольно пьян и дикими, ошалелыми глазами жадно следил за танцем невольницы, сжимая кулаки так, что белели костяшки пальцев. Когда кмети Мстивоя заметили это и решили необходимо пошутить: «Увлекла девка, воевода?», Фасольд метнул из-под бровей дрожащий злобой взгляд.

Пир был хорош, но позже его редко кто вспоминал: не случилось ничего удивительного. Князь Мстивой готовился продолжить и на следующий день – Хортим знал, что гости могли жить у хозяина месяцами, прежде чем заговаривали о деле. Но не выдержал. До нового застолья он и его люди, успевшие отоспаться после ночи, пришли в зал, где Мстивой Войлич и пировал и принимал послов. Князь сидел на огромном каменном троне, не отделанном ни самоцветами, ни дорогим металлом – от ручек до спинки вилась лишь глубокая древняя резьба: лады, волны и змеи, а за ними – очертания гор. Со Мстивоем была только его личная малая дружина, и Хортим понял, что их ждали. Большим пальцем Мстивой поглаживал перстень-череп, и на его губах блуждала лёгкая полуулыбка.

Хортим снова невольно сравнил Мстивоя с отцом, и внутри что-то отозвалось непонятной болью. Кивр Горбович был примерно того же возраста, тоже высок и статен, но с волосами чёрными, как безлунная степная ночь, носил обруч на челе и длинные одежды, достойные гуратского вельможи, расшитые золотом вдоль ряда пуговиц. Он редко улыбался. А так обманчиво мягко – никогда.

– Прости меня, князь, – Хортим склонил голову. – Твой дом радушен. Твои люди учтивы, а еда сытна. Но у меня есть дело, которое больше не может ждать.

Мстивой, не меняя выражения лица, повёл пальцами, будто приглашая продолжить.

– Говори.

Узкие ноздри Хортима расширились, а горло обожгло.

– Знаешь ли ты, что случилось с Гурат-градом?

Он, конечно, знал. Войличи держали под собой далёкий север, но новости слетались к ним, словно птицы, на купеческих и боевых кораблях. Кровавый, южный, великий Гурат-град, с которым могла сравниться только Волчья Волянь, сожжён – слова дались тяжело, а люди Хортима напряглись так, будто услышанное разбередило старую рану. Может, они и изгнанники, но почти у каждого в Гурате была семья. Раньше, до дракона.

Мстивой Войлич погладил подбородок:

– Я знаю, что у Гурат-града новый князь.

Говорят, Кивр Горбович не то сгорел заживо, не то был убит сильнейшим из прислужников Сармата, предводителем каменных воинов. Отец изгнал Хортима, но княжич желал, чтобы правдой оказалось последнее: Кивр Горбович всегда оставался безжалостно несгибаем и презирал младшего сына, скроенного не по его воле, но должен был погибнуть в бою. И – Хортим продолжал так думать – убить его мог лишь бессмертный воин, не меньше. Хортиму захотелось выругаться: будь она проклята, сыновья гордость.

– Что за князь без города? – он так и сказал: «города». Гуратскому княжеству принадлежали десяток деревень и обширная степь, в которой до сих пор случались битвы с тукерами. Но Горбовичи испокон веков чтили свою столицу больше, чем что-нибудь другое.

– Я думаю, ты справишься, – всё так же бесцветно улыбнулся Мстивой. – Гурат сожгли не впервые, и ты возведёшь его снова. Ты замиришься со знатными родами, которые твой гневливый отец выслал глубже в степь, к ханам. Убитых не вернёшь, но ты соберёшь под соколом разбросанные по Пустоши деревни княжых людей. Сейчас они охотно пойдут за тобой.

Слова, слова... Хортим представлял, как много нужно для таких свершений. И для начала – небо без зарева пожара. Когда Хортим говорил важные для него вещи, его голос становился тих. Не в пример отцовскому.

– Я ценю твою мудрость, князь, но я и моя дружина пришли не за советами, – он прошагал вдоль длинных столов. Быстро остановился, но подался вперёд и сжал в кулак обезображенную ожогами руку. – Идём со мной бить Сармата, князь.

В зале повисла тишина, и даже малая дружина Мстивоя застыла. Уголок рта Архи криво пополз вверх, а Фасольд привычно стиснул обух топора. Оставшийся отряд Хортима – бравые вояки Фасольда и отчаянная Соколья дюжина, – кажется, перестал дышать от напряжения. А синие глаза Мстивоя смотрели из-под медовых ресниц, и в них по-прежнему плескались словно бы отеческая насмешка, хозяйское радушие и волынский холод.

– У меня не много людей, – согласился Хортим, едва не сбиваясь на шёпот и не отводя от князя пристального взгляда, – но они прошли со мной огонь и воду. Каждый из них стоит троих. Я говорю с тобой, Мстивой Войлич, потому что из южных княжеств никто не решился встать с нами плечом к плечу. Но тебе, говорят, неведом страх. Говорят, твоя дружина сражается как стая свирепых волков. – («Не спорим», – хохотнул Тужир.) – Ты знаешь, что Князь горы не будут спокойны, пока жив дракон. Сармат-змея просит дань и убивает...

– Посмотри вокруг, княжич. – Зубы Мстивоя сверкнули перламутром. – Холодноват для него мой город. – Малая дружина посмеивалась: суровые морозы Волчьей Волыни были причиной для гордости. Редкий чужак мог пережить её обильные пуховые снегопады, страшные метели и зимние ветры. – Твой Сармат-змея здесь даже не летает.

Хортим побледнел:

– Пусть так. Но земли к югу от тебя изнывают, потому что Сармат взбалмошен и жаден. Немногие могут позволить себе редко откупаться от него. Лесьярские Луки, Черногород, Колывань – те платят раз в два-три года, но остальные? К югу от тебя нет покоя, князь. Люди голодают и гибнут, а если и живут, то боятся следующего дня: вдруг дракон пожалует снова?

Мстивой удовлетворённо хмыкнул и поиграл волчьим черепком на пальце.

– Мне рассказывали, что Сармат хоть и жаден, но стережёт земли, которые обирает. Что станы тукерских ханов, подаривших ему сундуки и девиц, – почти цари Пустоши, потому что извне к ним не приближается ни один враг. А если и приближается, то тут же сгорает. Ещё мне говорили про Колывань – Сармат испепелил целый разбойничий народ, живший на её болотах. Да и оголодавшее Гренское княжество уже не так скалится на Черногород.

– Приятно ли ждать, что покровитель превратится во врага? – спросил Хортим, сведя чёрные брови. – Я говорю тебе, князь: южнее Волыни нет покоя. Как справляться с внешним врагом, если сам напуган и обескровлен? Как, если завтра твоих дочерей поведут на заклание, матерей задушат в дыму, а братьев превратят в пепел? Если прислужники дракона разрушат твой дом и вырежут всех до единого? Скажи мне, князь, как можно так править людьми?

Голос Хортима надломился, но он продолжал чуть ли не хрипеть, что народ-то они один, где бы ни жили и кому бы ни поклонялись. А потом он сказал то, что его отец бы не сказал никогда, предпочтя откусить себе язык.

– Ты силен и храбр, Мстивой Войлич, и я прошу твоей помощи. Потому что не справлюсь без тебя.

Фасольд знал, зачем Хортим пошёл в Волчью Волынь, но сейчас его хмурое лицо искажилось в судороге. А сам Мстивой откинулся назад, постукивая пальцами по украшенному резьбой камню.

– Что ты ещё скажешь мне, княжич?

Хортим сглотнул:

– Моя сестра, Малика... Люди толкуют, Сармат украл её.

Он никогда не понимал свою старшую сестру. Да и отца тоже, но Малика его боготворила. Сидела у его колен подле древнего престола и ловила каждое слово. Хортим считал, что сестре досталась вся отцовская жестокость, вся его надменность и гордыня, а сыновьям перепали лишь жалкие крохи. Кифа, старший, был добросердечен настолько, насколько вообще возможно Горбовичу. Он ещё мальчишкой скакал на коне быстрее, чем взрослые юноши, и в его руках пели и меч и копьё – Кифа обещал быть хорошим правителем. Не сбылось. Тукерский сын вызвал его на поединок и убил, хотя Хортим был слишком мал, чтобы всё помнить. Позже говорили, что тогда развернулся не бой, а резня, и Кифу подло закололи. Кто знает, что было на самом деле? Никого не осталось. Ни отца, ни брата, ни кормилиц и ни кметей. Одна Малика, да и та, может, уже мертва. Но не бросать же её. В них течёт одна кровь, тягучая и злая. «А отец бросил тебя, – зазвенело в голове. – Выставил, как пса, надеясь, что подохнешь до зимы».

Но Хортим никогда не был как его отец.

– А, Малика Горбовна, – усмехнулся Мстивой. – Наслышан. Даже хотел прислать сватов от старшего сына, да кто только к ней не сватался. От сыновей ханов до... как там? Кузнецов? Сапожников? Я запомнил.

Краем глаза Хортим заметил, как побагровел человек по его левую руку. Отец всегда говорил, что главное оружие Мстивой Войлича – не меч и не топор. Язык. Он умел хлестать, как плетё, до мяса и кости. Раны, оставленные его словом, дурно заживали. Князь Мстивой неспешно поднялся с места, собравшись отвечать, и Хортим понял, что пропал. «Даже не советовался ни с кем», – подметил он.

– Ты прошёл долгий путь, чтобы просить моей помощи. Другие отказали тебе, те, кто, кажется, бедствует и умирает. Значит, есть причина, почему их страх не даёт плодов, – Мстивой говорил неторопливо, но звонко и мерно, будто мурлыча. Хортим догадывался, что такой голос мог мгновенно взлететь до могучего боевого клича, слышного между кораблями. – Так ли всё плачевно, княжич?

«Не тебе за каменными стенами рассуждать о чужом горе». Хортим сжал потрескавшиеся губы, а Мстивой, словно услышав его мысли, приподнял брови.

– Почему я должен печься о ком-то больше, чем они сами?

«Потому, что эта беда общая, князь, пусть оно и кажется по-другому. Потому, что ты можешь, и если у кого и хватит сил одолеть Сармата, так это у тебя». Но Мстивой Войлич имел своё мнение на этот счёт: он не собирался губить верных людей и разорять ни за что собственные земли. Позже Хортим думал, что правда в их разговоре была о двух концах. Он призывал к достойному свершению, может, сбивчиво, но зная, что это необходимо. А Мстивой, как и пристало правителю, охранял тех, кто доверил ему свои жизни. И едва ли собирался умирать – и видеть, как умирают его близкие, – за чужие княжества.

Мстивой склонил голову набок, и одна из медовых косичек свесилась у виска.

– Тем не менее я буду рад, если ты и твои люди останетесь моими гостями.

«Он не отступит от своего, как раньше не отступал отец», – почувствовал Хортим. Мстивой кажется мягче и приветливей, но это ложь, и убедить его даже сложнее, чем погибшего гуратского князя. Хортим постарался скрыть досаду. Никто не умел предугадывать действия Мстивой Войлича, и тот мог в равной степени и помочь Хортиму, и зарезать его на пиру, чтобы лишить Гурат-град последней надежды и пресечь не ладящий с Вольнью род.

Не убил, но и не помог. Предпочёл держаться в стороне – или сделать вид, что ни во что не вмешивается. Говорили, в этом Мстивой был мастер.

Хортим не успел ответить – вежливо и достойно. Из горла Фасольда вырвался нечеловеческий, звериный рык. Прежде чем всполошилась Соколя дюжина и двинулись княжеские кметы, воевода выхватил топор и со страшным треском вогнал его в ближайший стол. Под лезвием разошлась древесина, и в дубовой столешнице появился раскол, короткий и зияющий.

– Вот тебе, а не гости и пиры, волчий выродок, – с лица Фасольда ещё не сошла багровая пелена. – Ты всего лишь трус, Мстивой Войлич, который трясётся за свою шкуру.

Когда Хортим приказывал ему держать себя в руках, то опасался именно этого.

Время потекло медленно, словно студень. Вот Тужир выступил из-за каменного трона, вот Арха хватанул Фасольда за ворот рубахи, а сам Хортим вцепился в плечо воеводы, будто мог удержать вылетевшие слова. Он потянулся к его уху, но угроза не сорвалась с губ, подвело охрипшее горло. Мстивой Войлич тоже поворачивался медленно – и заводил руки за поясницу так, как если бы плыл в густой воде. Блеснул и исчез из виду волчий череп на пальце. Под бровями пылали оледеневшие сапфиры. Раньше Хортим уже видел подобный взгляд, правда, глаза были бледно-зелёные. Если его отец смотрел так, то летели головы, а спины лопались до хребта.

Князь развернулся полубоком. Он наблюдал, как на слабом ветерке из оконной щели трепыхался волчий стяг, развёрнутый по стене.

– Недобрую службу сослужил ты мне, Хортим Горбович, – ласково-насмешливо сказал Мстивой, переводя взгляд на него. Фасольда, сбросившего с себя Арху, как котёнка, словно не заметил. – Я думал, ты привёл ко мне своего воеводу. А ты запустил в мой дом облезлого пса, которому разве что со свиньями за забором жрать, – голос стал ещё ласковее, – и пускать слюни на молодых соколиц.

Хортим вцепился сильнее в застывшее плечо Фасольда и наконец-то прошипел ему в ухо:

– Прочь. Только дёрнись – убью.

Он не знал, забоялся ли Фасольд, – и если забоялся, то кого. Тужира ли, выхватившего оружие из ножен, или Соколю дюжину, дышавшую в затылок. Самого ли Хортима с горящими чёрными глазами или Мстивой Войлича – только Фасольд мертвенно посерел, а его лицо стало ещё злее.

Когда нападёт Тужир, а за ним и другие, отвечать придётся Хортиму, – это он привёл в Волчий дом человека, оскорбившего князя. Это его человек, каков бы ни был. Но Мстивой лениво махнул ладонью:

– Оставь. Этот уйдёт сам.

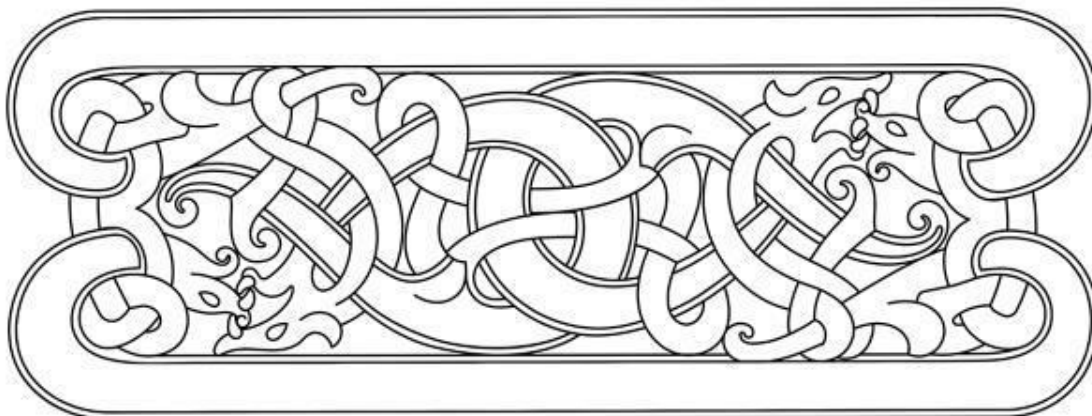
Тужир повиновался, а Хортим с трудом отнял пальцы, сжавшиеся на плече Фасольда, как соколиные когти. Воевода шумно дышал и оглядывал зал ненавидящим взглядом – так, будто хотел раздробить каждую голову. Шелестел волчий стяг на стене. Мстивой по-прежнему не смотрел на обидчика.

Он мог швырнуть Фасольду в лицо его вырванный язык и бросить тело дворовой своре. Мог спросить с Хортима виру за оскорбление – а Мстивой, как и Кивр Горбович, спрашивал только кровью. Но знал, что есть вещи страшнее казни. Поэтому дал понять посеревавшему, злому Фасольду: ты мне неровня, кузнечий сын. И твои слова – собачий лай и бормотание слабоумного. За такого, как ты, и спрашивать нечего. А теперь смотри – случившееся просочится сквозь каменные стены: приходил изгнанный воевода да поднял себя на смех. И молва обкатает тебя, как волны – камень, и затронет ту рану, которую Мстивой чувствовал, словно шакал, сквозь толщу кожи.

Это тот безродный пёс сватался за гуратскую княжну Малику Горбовну? Это ему князь Кивр велел убираться прочь, пока, помня старые заслуги, не высек до костей?

Хортим, не мигая, следил за Фасольдом, хрустнувшим шеей. «Только хоть слово скажи, только попробуй...», но воевода сплюнул под ноги и ушёл, подхватив топор со стола.

Песня перевала IV

Дни слились для Рацлавы в одну бесконечную ленту времени. Мёрзлая земля уступала скалистому предгорью, и ехать стало труднее: телега невесты тяжело переваливалась на камнях. От постоянной тряски у Рацлавы болела голова и ломило затекающее тело, но она ничего не говорила. Всадникам приходилось хуже. В последние дни шли непрерывные ливни, и дождевые капли обрушивались на крышу повозки, – Рацлава думала, что ещё немного, и дерево не выдержит, разойдётся по щепам. Хавтора ругалась, плотно задёргивала окно, чтобы не просачивалась вода, и, кутаясь в шафранно-жёлтое покрывало, слушала, как Рацлава ткала музыку.

Несмотря на утро, было темно: солнце заволокли лохматые свинцовые тучи. Моросил холодный дождь, грозивший перейти в очередной ливень. Караван ехал на восток по предгорью, копыта коней месили хлюпающую грязь, и прошлым вечером одна пегая кобылка, поскользнувшись на мокром камне, сломала ногу. Клубился слепящий туман, и сквозь него тянулось постанывание свирели.

Чёрный жеребец споткнулся, и Скали едва удержался в седле. Выругался и раздражённо вытер глаза рукавом.

– Клянусь, если драконья суложь не заткнётся, я переломаю ей руки, – процедил он. Лутый промолчал: его повязка набрякла, и вода обильно струилась по лицу и шее, заполняя рот.

В повозке Рацлава мало что ощущала и ткала из того, что было: из неверного тепла шерстяных одеял, внешнего холода и пара дыхания. К нитям Хавторы она не прикасалась. Незачем заставлять старуху проникнуться музыкой больше, чем обычно, и убеждать, что эти песни – для неё. Сейчас Рацлава играла для себя.

Но как же она хотела плести из людей! Тогда Рацлава бы не просто разбрасывала невестомые полотна историй – с людьми они стали бы куда звучнее, шире и прекраснее. Если бы она вытянула нити, из которых состояла Хавтора, то впряла бы степные травы, полуденное солнце и жар костров в южные сказки про ханов и рабынь с глазами-алмазами. Она бы знала, как размять в волокно силу и верность. Но пока ей подчинялись одни мыши да небольшие птицы, и постанывание свирели несло с собой песни о севере из поволоки, звуков дождя и ускользящего тепла одеял.

Август едва пошёл на излом, но вокруг уже пахло осенью. На Мглистый Полог выпал первый тонкий снег, и унистая почва поблескивала сквозь него оледеневшими листьями. Вдали поднимались фьорды.

Люди слышали в историях Рацлавы цвета, которые она никогда не различала. Ей открывались лишь жидковатые дымки, улавливаемые глазами грызунов и диких уток. Кровь ягод, лопавшихся под её ногами у Божьего терема. Небесный хрусталь ручья.

На возвышении стоял дом, приземистый и уютный, – пастух Вельш жил не богато, но и не бедно. И довольно уединённо: до ближайшей деревни – путь вниз по склонам Мглистого Полога, прочь от пастбищ, где ходили отары овец. Хозяин, крепкий и невысокий ростом, стоял на крыльце: кафтан был растёгнут, ветер трепал рубаху, а правая рука упиралась в бок. Пальцы щупали синий кушак. Из-под тёмно-русых бровей светлели глаза и оглаживали взглядом деревянные балки дома. Холмы и молочные облака. Переливающиеся змеи заливов. Всё, только не телегу перед крыльцом. В ней лежали мягкие тюки с овечьей шерстью и небрежно сброшенные одеяла, а поводья держал второй сын Вельша, двадцатилетний Ойле: плотный, статный, с шапкой кудрявых тёмно-рыжих волос. Рукава его рубахи закатились, обнажив насыщенно-оранжевые, крупные бляшки веснушек на внешней стороне предплечий.

Четырнадцатилетний Эйсо закинул в телегу последний мешок и, выпрямившись, угрюмо потёр нос тыльной стороной запястья. Ещё по-мальчишески щуплый, с густыми, но не совсем ровно остриженными тёмно-русыми прядями, падающими на лоб.

Однажды, когда он болел, лет в семь или восемь, Рацлава перебирала их пальцами. А Эйсо метался на постели и бредил.

Рацлава выдохнула, вытягивая из свирели ещё одну нить. Братья не были плохи. Иногда Ойле делал её жизнь чуть счастливей – приносил эдельвейсы, как другим сёстрам, и выпускал из дома. Разговаривал не особо часто, но Эйсо и вовсе предпочитал её не замечать, хотя никогда не обижал и наедине мог передать чашу или помочь найти стул. Наверное, им было тяжело увозить Рацлаву в Черногород, чтобы продать купцу и закрыть старый отцовский долг, – они не Хрольв.

– *У тебя две младшие сестры, которым нужно выйти замуж. А кто их возьмёт, пока старшая ходит в девках?*

Это было правдой, и Рацлава не могла дольше отравлять им жизнь.

– *Ну же, сестрица, ты сыграешь свои песенки черногородскому купцу. Так, как умеешь на самом деле. Так, чтобы ему понравилось. Что тебе стоит?*

Тогда она думала, что это будет стоить ей семьи и дома. Оказалось, большего.

Перед телегой стоял хорошо сложенный юноша. Его белесые волосы вились надо лбом, а взгляд был почти ласковым. Хрольв улыбнулся, покачав головой. И, отвернувшись от тюков, отряхнул руки двумя хлопками.

– *Сестрица, – громко произнёс он, когда на пороге появилась бельмяноглазая девушка. – Отец сказал тебе ехать с нами.*

Хрольв был младше Рацлавы на год и считал, что слепота выела её разум. Он относился к ней как к не особо смышлёному животному, прибившемуся к дому: нельзя гнать, пока отец не разрешит. Теперь разрешил. И Хрольв думал, что Рацлава, как и глупый зверь, способна понять только разложенные на слоги, мелодичные слова.

Он всегда так к ней обращался, неискренне-вежливо. Напускная нежность, смешанная с запрятым презрением. Хрольв состоял из совершенно гладких, но скользких нитей, и Рацлаве никак не удавалось ухватить их. Она не слышала, как брат рыдал над её свирелью, и ей было жаль.

– *Ну же, сестрица. – Хрольв чуть согнул колени и упёр ладони в бёдра. – Ты ведь умница и поедешь с нами добром, без криков?*

Рацлава, осторожно подбредшая на дыхание коней, побледнела ещё сильнее. Тонкий пласт снега потрескивал под её ногами. Хрустели цветы. Одной рукой она сжимала свирель на кожаном инурке, а пальцами второй боязливо коснулась телеги. Черты исказились, и, обернувшись, Рацлавадохнула злобой в приятно улыбающееся лицо Хрольва.

– Ингар убьёт тебя, когда узнает.

Хральв опустил светлые ресницы, но улыбнулся ещё шире.

– Хватит Ингару с тобой возиться. Ойле, помоги ей забраться в телегу.

Когда Ойле набросил на её ноги одно из шерстяных одеял, то его серые глаза, казалось, выцвели до кусочков грязного льда.

– Прости, – выдохнул он. Его голос, низкий и тёплый, напоминал заливную солнцем древесину, из которой был вырезан семейный стол. – Прости, если сможешь.

Знал бы ты, чем всё обернётся. Что купец, заплативший за пастушью дочь, не удержит в своих стенах историй о чарующей свирели. И что Рацлаву назовут драконьей невестой и караван повезёт её на восток.

– Что это, ширь а Сарамат? – встрепелась Хавтора. – Мне кажется, твоя свирель поёт на разные голоса.

Повозка скрипела и качалась, жгуты тумана стелились у колёс и лошадиных копыт. Дождь лил, как из прохудившегося корыта Сестры ветров. Рёбра тёмно-синих гор расплывались у горизонта, и снег на их вершинах тонул в грозовом мареве. Вместо ответа Рацлава отпустила свирель и поднесла к слепым глазам правую руку: скрюченную, как птичья лапка, в свежих порезах и порванных белых лоскутках. Она долго держала её перед собой, будто могла видеть лунки крови в сгибах пальцев и кривые линии на ладони.

Рацлава высунула кончик языка и почувствовала вкус железа. Раньше, когда свирель раскалывала кости, было хуже. Ингар говорил, что её губы выглядели так, словно кто-то бил их стальной рукавицей. Но теперь, спустя пять лет, от влажно-кровоточащего, почти бескожего рта остались лишь трещины и маленькие язвочки.

– Мне кажется, гар ину, я слышу имена.

Хавтора зябко повела плечами, и с жёстких седых волос сползло покрывало. С мягким шорохом соскользнуло до татуированного плеча: Рацлава представила ночной огонь, горячий шёпот и смятые кошмы в шатрах. Она хочет, хочет соткать из этого свои полотна. Из этого – и ещё многого. Из того, что принадлежит сотням людей. Ей мало их восторгов и слёз, смеха и танцев под красивую музыку. Ей нужны они все. Их звуки и запахи, умения, мышцы и кости. Языки и лица, голоса.

– Такого не может быть, – проговорила рабыня. Она поправляла покрывало, устраиваясь на подушках, как кошка, – казалось, её тело не затекало и даже не думало болеть. Старуха впервые посмотрела на Рацлаву иначе, прищуренно.

– Не может, – едва вслушиваясь, ответила Рацлава, пытаясь разогнуть пальцы.

Глаза у Хавторы стали хитрые, в цвет латунного рабского ошейника.

– Кто такой Ингар, ширь а Сарамат?

Её голос изменился. Рацлава уловила в нём что-то кроме прежнего подобострастия. Любопытство и лукавство? Страх? Рацлава медленно положила руку на одеяло и подняла белый, с почти зажившей ссадиной подбородок.

– Мой брат, – неторопливо ответила она, и этого показалось недостаточно. У Рацлавы четверо братьев, но Ингар – особенный. Она сухо добавила: – Когда я родилась, была голодная зима, и мать отнесла меня в лес. А Ингар спас.

– Зачем он сделал это? – удивилась Хавтора. Рацлава, ещё не ставшая драконьей невестой, не вызывала у неё обожания. – Тебя было нечем кормить.

Рацлава погладила одну из кос, переброшенных на грудь.

– Запасы моего отца не иссякли даже в голодную зиму. Моя мать осунулась, но не заболела и могла бы меня выходить. Мои старшие братья и сестра жили далеко не так хорошо, как раньше, но им не грозила смерть.

– Тогда почему?

Рацлава приподняла соболиные брови.

– Я слепа. А кому нужен слепой ребёнок?

Хавтора согласно замурлыкала в ответ, пропуская сквозь пальцы бахрому походных подушек. Рацлава даже не шелохнулась: она знала, что тукерской рабыне не было дела до пастушьей дочери. Она боготворила невесту дракона.

– Если бы твой брат жил у нас, в Агыр-ол, Пустоши, его бы убили за непокорность. Кто он такой, чтобы идти против слова отца?

Рацлава нахмурилась:

– Хорошо, что мой брат не из Пустоши.

И всё же семья сделала для Рацлавы больше, чем она заслужила. Её кормили и одевали целых девятнадцать лет, хотя она не могла помогать по дому так, как её сёстры, и едва ли вышла бы замуж. Мать, заплакав, отказалась нести её в лес во второй раз, а отец дрогнул под взглядом Ингара. Брату тогда было шестнадцать, он недавно потерял ногу и служил подмастерьем на старой дедовской мельнице. Ингар знал, что мать предпочтёт заниматься с маленьким Ойле, поэтому свой первый год Рацлава провела с ним – её поили козьим молоком и заворачивали в шкуры под мерный рокот жерновов.

Это благодаря Ингару у неё появилась возможность пережить зиму. И это Ингар помог ей украсть свирель Кёльхе. Но он уехал в Гренске, а вернуться должен был только осенью, и отец посчитал, что девятнадцать лет – солидный срок.

Как же ему будет больно.

Дед умер, а мельница сгорела. Ингар, не желавший наследовать хозяйство отца, восстанавливал её, но из-за погоды всё продвигалось небыстро. Дождь хлестал по крыше, и жалобно скрипело водяное колесо: чуть поворачивалось, хлопало и возвращалось назад. Ветер бил в ставни.

Крыша над головами была закопчённая, протекающая. Чёрные, но крепкие балки подпирали потолок, и на них блестела влага. Ингар залатал мельницу, сделав её безопасной, но не позаботился о красоте. Его больше волновало, что подточенные огнём жернова не могли работать, а из дыр наверху пробирался холод. Ингар грузно приподнялся с лежанки и взглянул на вечно мёрзнувшую сестру: она закуталась в покрывала до кончика носа, но сидела на полу и шелестела обёртками привезённых гостинцев.

Рацлава помнила, что той осенью Ингару исполнилось тридцать. Ей было четырнадцать, и он часто забирал её к себе на мельницу. И если куда-то ездил, то обязательно привозил подарки – лучше, чем красавице Пэйво или молчаливой маленькой Ирхе. Рацлава слишком сильно сжала свирель, и та ужалила указательный палец: Ингар ведь и сейчас привезёт. Вернётся из Гренске с ворохом свёртков, а Рацлавы уже не будет. И хоть бы у него хватило сил сдержаться. Он может убить не только Хрольва, но и отца – и что дальше? Рудник? Виселица?

У Ингара ломило разрубленную кость – на непогоду. Брат постарался сесть, но неосторожно дёрнул правой ногой, ниже колена переходящей в деревяшку. Сдавленно взвыл и рухнул на спину.

Рацлаве говорили, что у Ингара был донельзя грозный вид. И он всегда казался старше своих лет: крепкое отцовское сложение, лохматая борода и тяжёлая походка. Ещё Рацлава знала, что его волосы такого же цвета, как у неё, – почему-то ей это нравилось, – а глаза похожи на воду.

Голос сестры всегда оживлял сгоревшую мельницу, но теперь Рацлава почти не говорила. Свирель была у неё уже полгода, и рот девочки напоминал алую мокрую массу. Пальцы не раз выворачивались так, что у Ингара щемило сердце. И без того неприветливая колдовская кость мстила за свою хозяйку. Ингар начал жалеть, что помог украсть её, но сестра, серая от боли, радовалась каждому дню. Если она и пересиливала резь в губах, то шептала о том, что начала чувствовать. «Ингар, Ингар, Кёльхе сказала, что всё состоит из нитей –

и это правда. Скрип колеса, шелест подарков, запахи мяса и дыма... Я, ты, отец, Мицлава и Ойле – мы сотканы, как полотна».

Пять лет назад Рацлава с трудом вытягивала струны даже из грохота ливня, не говоря уже о птенцах или людях. Но она уяснила одно: чем больше человек открыт, тем легче подхватить его нити. Конечно, она не умела ткать из Ингара ни тогда, ни сейчас, но очаровать его песней было легче прочих. Потому что он любил её. Нити Ингара трепыхались, когда она касалась их изуродованными пальцами и пропускала под ладонью, и сами обволакивали, будто мечтая вырваться наружу.

Он никогда не просил её играть. Знал, как это тяжело даётся. Но, услышав его стон, Рацлава, закутанная в шерсть, словно маленькая медведица или айха-высокогорница, поднялась с пола и на ощупь перебралась под лежанку брата. Нашла на икурах его большую, сжатую в кулак руку.

– Ингар... – Его боль для Рацлавы – то же, что её – для него. Невыносимо. Готов сам вытерпеть во сто крат больше, лишь бы...

– Оставь, – прохрипел Ингар, но она не послушалась. Под сводами мельницы растеклась густая, почти осязаемая кожей песня – местами она дрожала, как стрела на ветру, и прерывалась, потому что Рацлава сплёвывала кровь и передвигала окаменевшие пальцы. Но Ингар чувствовал, что с каждым годом музыка будет становиться всё краше. В груди у него потеплело, защекотало в горле, и по щеке пролегла блестящая прозрачная дорожка: от глаза до бороды.

Рацлаве даже не нужно было трогать и гладить нити Хавторы, чтобы рабыня признала:

– Как хорошо ты играешь, ширь а Сарамат. Очень, очень хорошо. Я не слышала, чтобы кто-то так играл.

Но Рацлава решила, что однажды всё-таки заставит её либо пуститься в пляс, либо заплакать. У тукерской рабыни нити будто проволока: поначалу кажется, что тонкие и хрупкие, а на деле – острые, способные вгрызться в мякоть рук.

– Спасибо.

Хавтора – не самая лёгкая цель, но были люди, которых Рацлава не могла заставить не то что уронить слезу – улыбнуться. Совьон, будто состоящая из цепей, широких, как лезвие, – свирель отсечёт пальцы, если Рацлава вздумает к ним приблизиться. Предводитель Тойву, чьи нити похожи на корни деревьев, – она не сумеет их сдвинуть. Хитрый Орkki Лис, сплетённый из трещинок ароматного тумана, пахнущего землёй, тисом и старой кожей. Его любимец, чьё нутро – хмель и мёд, убегающее от прикосновений.

У Рацлавы есть время. Немного, но есть – до летнего солнцеворота. Почти год.

Она знала, что нужно делать. Пробовать ткать из крупных хищных птиц: орлы, соколы, совы. Потом – лошади. И только потом – кто-нибудь из людей. Поблизости не было ни детей, ни подростков, но Рацлаве казалось, она нашла человека, состоящего из слабых нитей. Они шелестели, словно гнилая осока, и таяли с каждым днём.

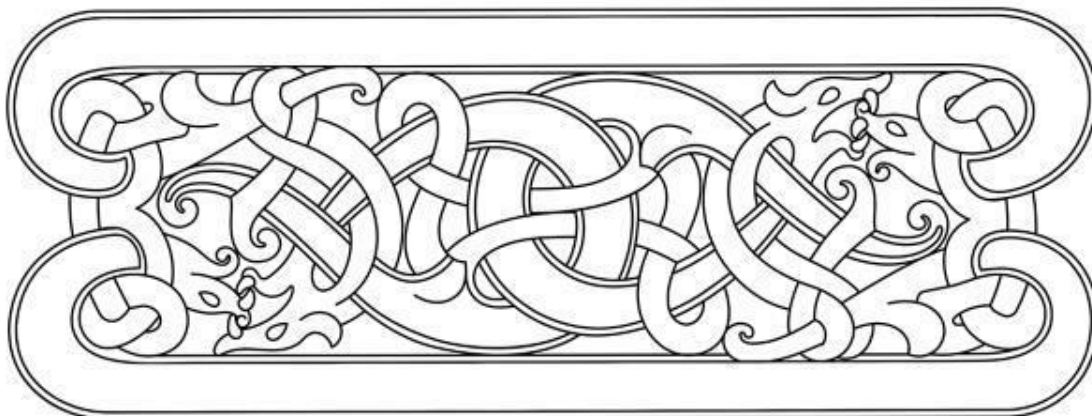
Раздвинув занавески, Рацлава высунула в окно одну из порезанных рук. Вода заструилась по белым пальцам, намочила ошмётки лоскутов и собралась в напряжённую ладонь, как в чашу. Рацлава неспешно расслабила её, держа на холодном воздухе до тех пор, пока дождь не смыл кровь и не смешал её с грязью.

Скали не был так уродлив, как все привыкли думать. И губы, тонко очерченные под усами, ровный прямой нос и осанка могли скрасить редковатые чёрные брови, худобу и нечистые волосы. Но всё портило выражение землистого лица. Ненавидящее, презрительное. Заставив коня закусить удила, Скали, ехавший за повозкой, взглянул на девичью руку из-под слипшихся стрелочек ресниц. И дёрнулся, будто это была самая омерзительная вещь на свете.

Песня перевала V

Дорога проходила вдоль скалистой низины и круто взбегала наверх. Завтра караван начнёт подниматься, и первым его встретит Недремлющий перевал. Обвалы, морозы, вьюги – сейчас им нужно бояться природы, но не людей. Совьон знала, что ватаги разбойников обитали южнее, у Плато Предателя. В топах и лесах, переползающих с плато к Костяному хребту, где стояли кособокие хижины, а глубина заросших пещер скрывала логово.

Низина, у которой они остановились, напоминала чашу. На камнях, покрывающих её дно, лежал зелёный мох, а серое небо набухло: в воздухе пахло грозой. Ключья облаков застилали солнце. Драконья невеста спускалась к низине – Совьон не могла уводить её слишком далеко, но скалистые стенки достаточно отделяли от посторонних. Воительница следила за Рацлавой и днём и ночью, а теперь решила проверить свою догадку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.